

БИБЛИЯ И МЕЧ

АНГЛИЯ И ПАЛЕСТИНА
ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА ДО БАЛЬФУРА

Барбара ТАКМАН

ОТ ЛАУРЕАТА ДВУХ ПУЛИТЦЕРОВСКИХ ПРЕМИЙ

Страницы истории (АСТ)

Барбара Такман

**Библия и меч. Англия и Палестина
от бронзового века до Бальфура**

«АСТ»

1984

Такман Б.

Библия и меч. Англия и Палестина от бронзового века до Бальфура
/ Б. Такман — «АСТ», 1984 — (Страницы истории (АСТ))

ISBN 978-5-17-083917-9

Святая земля и Британия... От библейских времен и распространения христианства, от крови и ярости Крестовых походов — до политических и дипломатических интриг, окружавших создание современного государства Израиль. От имперского величия викторианского колониализма — до не очень заметных на первый взгляд событий, которые привели к нынешним ближневосточным конфликтам. Таков путь, по которому проводит читателя знаменитая писательница Барбара Такман, дважды лауреат Пулитцеровской премии и автор «Августовских пушек»!

ISBN 978-5-17-083917-9

© Такман Б., 1984

© АСТ, 1984

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
1. В поисках предка	8
2. Финикийцы на Альбионе	11
3. Римская Иудея и Римская Британия	13
Глава II	16
Глава III	21
Глава IV	36
Глава V	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Барбара Такман
Библия и меч: Англия и Палестина
от бронзового века до Бальфура

Barbara W. Tuchman
BIBLE AND SWORD
ENGLAND AND PALESTINE
FROM THE BRONZE AGE TO BALFOUR

Перевод с английского А. А. Комаринец

Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

Печатается с разрешения автора, Russell & Volkening, c/o Lippincott Massie McQuilkin и
литературного агентства Synopsis.

© Barbara W. Tuchman, 1984
© Перевод. А.А. Комаринец, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Истоки роли Британии в восстановлении Израиля, о которой пойдет речь на этих страницах, следует искать в двух мотивах – религиозном и политическом. Первый был долгом совести перед народом Библии, второй – имперской стратегией, требовавшей овладения его территорией. В 1917 г. в ходе войны с Турцией Британия оказалась перед самым щекотливым завоеванием всей своей империалистической истории. Она могла присвоить себе Палестину без оглядки на ее древних владельцев. Однако еще до вступления генерала Алленби в Иерусалим Британия сделала странный жест, ставший известным как Декларация Бальфура, объявив, что страна будет предоставлена поселенцам-евреям. Тем самым Британия добровольно брала на себя обязательства завоевателя по отношению к народу, не имеющему своего государства, что делало Декларацию новшеством в практике протектората. Хотя позднее политики, выступавшие за принятие Декларации, от нее отказались, она привела к уникальному событию – к воссозданию государства через более чем два тысячелетия после утраты им суверенитета.

Палестина, Святая земля, эта колыбель иудеохристианской цивилизации западного мира, имела за плечами слишком долгую историю, чтобы ее можно было «завоевать по рассеянности», как, согласно знаменитому афоризму, это произошло с другими территориальными приобретениями Британии. Она была полем сражений иудеев и ассирийцев, греков и персов, римлян и сирийцев, сарацин и франков, турок и европейцев. За Палестину было пролито крови больше, чем за какую-либо другую землю на свете. Для протестантской Англии, по словам лорда Керзона, она была не только «самым священным местом на земном шаре»¹, землей Писания, землей Крестовых походов, землей, «головой к которой всех нас опускают в могилу на кладбище». Но Палестина являлась еще и географическим перекрестьем Востока и Запада, мостом между тремя континентами, фокусной точкой имперской стратегии, областью, необходимой для защиты Суэцкого канала, пути в Индию и нефтяных полей Мосула.

Совершенно очевидно, что Палестина стояла на повестке включения в Британскую империю. Но почему, когда момент настал, Англия выступила с Декларацией Бальфура? Стратегическими потребностями империи этого никак не объяснить. Однако задолго до того, как Британия стала империей или даже морской державой, возникли и развивались связи с Палестиной по религиозным или духовным, сентиментальным или нравственным причинам, или, как их можно назвать, «коллективным культурным причинам». Среди них самым важным отдельно взятым фактором выступала Английская Библия и ее пророчества. Ведь эта Библия, представлявшая собой историю иудеев и пророка, которого они отвергли, была усвоена, по выражению Томаса Хаксли, как «национальный эпос Британии»². С того момента Британия, так сказать, одной ногой стояла в Палестине. Второй ногой она ступила туда по требованию логики империи, что стало очевидно во время Восточного кризиса 1830-х гг. и итог чему подвел один журналист в 1917 г., назвав случившееся «неопровержимой логикой развития военной ситуации на берегах Суэцкого канала»³.

Настоящая книга – попытка проследить эти два мотива, культурный и имперский, моральный и материальный, с самого их зарождения, иными словами следовать за Библией и мечом, пока они не приведут к Британскому Мандату. Мотив меча и империи проследить не трудно, поскольку он основан на бесспорных фактах географии, датах, битвах, договорах и политике силы. Моральный фактор уходит корнями в более зыбкую почву: мифы, легенды, традиции и идеи. Однако они сыграли не меньшую роль в истории и в поведении народов и их правительств. Как указал профессор Тернер, «история берет свое начало как миф» и превращается в «коллективную память», к которой апеллируют люди, «зная, что она даст оправдание их нынешним убеждениям и поступкам»⁴.

Если бы не традиции изложения событий в хронологической последовательности, данная книга была бы написана «вспять», как детективная история, начинающаяся с разоблачения и прослеживающая улики до исходного мотива. Этот метод позволил бы избежать впечатления, что описанные в первых главах обстоятельства в силу необходимости предопределили исход событий, разбираемых в последующих главах. Однако они не образуют неизбежной причинно-следственной связи. Многие другие страны были связаны с Палестиной те же узами, что и Англия. Франция сыграла большую роль в Крестовых походах, Реформация имела место и в Германии, которая так же глубоко, как и Англия, была индоктринирована Ветхим Заветом. Голландия гораздо шире торговала с Левантом и приютила евреев, когда их еще не допускала к себе Англия. Попытка свести в одной книге различные эпизоды, течения и влияния в английской истории, связанные с Палестиной, предпринята не для того, чтобы утверждать, будто каждый или каждое из них неизбежно вели к следующему, но чтобы показать, что все они сыграли свою роль в «коллективной памяти», стоявшей за событиями, которые со временем привели к спонсорству Британии в деле восстановления Израиля. До 1830 г. такой исход еще не рассматривался как неизбежный. Выход на сцену лорда Шефтсбери знаменует переломный момент, после которого события стали логично вести к Мандату. Вероятно, приобретение Дизраэли Суэцкого канала и Кипра в 1874–1878 гг. сделали физическое завоевание Палестины неизбежным. Так была пройдена точка невозврата.

И так вышло, что генерал Алленби вошел в 1918 г. в Иерусалим, одержав победу там, где потерпел поражение Ричард Львиное Сердце. Без этой победы восстановление Израиля так и не смогло бы стать свершившимся фактом. Но Алленби не смог бы одержать победу, если бы до него не попытался король Ричард, иными словами, если бы христианство не заложило основу стремления в Святую землю. Любопытная ирония заключается в том, что евреи вернули себе свой дом отчасти благодаря религии, которую подарили неиудеям.

Если в наше время Бивен сделал все, чтобы перечеркнуть Бальфура, то это один из тех трагических поворотов истории, которые невозможно стереть. Но с точки зрения конечного результата, которого добились для себя евреи, они, возможно, могут позволить применить к Израилю афоризм сэра Горация Планкетта относительно истории его собственной страны: дескать, «удел англичанина помнить, а ирландца – забывать»⁵.

На протяжении всей мировой истории любого, кто завоевывал или занимал Палестину, всегда ждала катастрофа – начиная с самих евреев. Политическая география этой страны всегда одерживала верх над ее правителями. Но теперь исходные хозяева вернулись, проклятие, возможно, выдохлось, и самая знаменитая земля в истории, возможно, однажды обретет мир.

Глава I

«Общепринятая сказка»

1. В поисках предка

«Причина, почему мы обратились к Палестине, в том, что это наша страна. Я уже так называл ее так раньше и отказываюсь называть какое-либо иначе»¹.

Эти слова принадлежат не еврею, а англичанину, доктору Уильяму Томпсону, архиепископу Йоркскому, и взяты из обращения к Английскому Фонду исследования Палестины в 1875 г. Далее Томпсон объясняет, что Палестина его страна, потому что была дана ему «законами, по которым я стараюсь жить» и «лучшим знанием, какое у меня есть». Разумеется, он имел в виду Библию, книгу иудейского народа и его пророков, которая со временем стала, по выражению Томаса Хаксли, «национальным эпосом» Англии.

На протяжении тысяч лет англичане обращались к Палестине в поисках своих предков, как лосось поднимается от моря к верховьям рек, где родился. Задолго до того, как современная археология дала научный ответ, некая смутная расовая память притягивала их мысли на Восток. Самым ранним инстинктом человека всегда было найти своего предка – сначала, возможно, своего Творца, потом своего предка. С тех самых пор, как научился думать, человек строил о нем догадки, рисовал себе его образы, рассказывал о нем легенды. Образ предка, сформировавшийся у англичан, имел двойственную природу: с одной стороны, этим предком считали Брута, внука троянца Энея, с другой – Гомера, внука Ноя¹. Иными словами, он был продуктом античных легенд Греции и Рима и иудейских легенд Палестины, эмигрантом из Малой Азии, колыбели цивилизации.

В каком-то смысле создатели этого образа, сами о том не подозревая, были недалеки от истины. Столетия спустя портрет первых жителей Британии, разработанный антропологами на основании собранных данных о форме черепа, цвете волос и фрагментов кремня, показали, что – как это ни любопытно – предки англичан происходят как раз из той части света. Не вдаваясь в антропологические аргументы, можно сказать, что считается, что прекельтское население Британии было средиземноморского, если не собственно малоазиатского происхождения. Так что в настоящее время, с точки зрения научных изысканий, в роли предков британцев выступают как раз эти люди каменного века, чьи скелеты безмолвствуют во вскрытых археологами погребальных камерах.

Но кто они были и откуда взялись? Предвосхищая археологию, традиция возводит их к Малой Азии, к тому отдаленному, неопределенному месту, откуда Ной и его семейство начали заново заселять землю после Потопа. Разумеется, традиция – еще не научный факт, но научные факты не всегда есть под рукой. Когда истина, то есть проверяемый факт, недоступна, ее место должна занять традиция. Историк сэра Джон Моррис-Джонс определяет традицию как «изустный рассказ о том, что некогда происходило». Тем самым она становится, добавляет он, «источником сведений, которые следует учитывать и интерпретировать»². Как таковая, на поведение нации она обычно оказывает влияния большее, чем собственно факты. Прошлая история страны сказывается на ее настоящем – но только в том смысле, в каком видится историческое прошлое ее жителям. Ведь история, как резюмировал Наполеон, «не более чем общепринятая сказка».

¹ Бытие, 10:12. – Здесь и далее примечания переводчика.

Тем самым английская «сказка» начинается с традиций и легенд о Бруте и Гомере и их дедах, соответственно Энее и Ное. Действительно ли Эней жил в Трое, а Ной – где-то в Месопотамии, кто знает? Однако можно сказать, что реальные мигранты из стран, где предположительно проживали Эней и Ной, действительно заселили страны западного мира. Возможно, прекельты, изначально заселившие Британию, привезли с собой воспоминания или легенды о восточном происхождении. Тем самым «сказка» о Бруте – Гомере может иметь под собой столь же прочную основу, что и теории археологов, чьи выводы в любом случае не слишком от нее далеки.

Как бы то ни было, в начале англосаксонской эры, после второго обращения в христианство в VII в. «сказка» начала укореняться в сознании нации. Оккупация острова римлянами на протяжении первых трех веков нашей эры привила его жителям не только античную мифологию, но и новую религию с Востока – иудеохристианскую. Эта религия получила широкое распространение среди кельтов и достаточно укрепились, чтобы выстоять и пережить и уход римлян в 410 г. н. э., и последующий наплыв язычников англосаксов. Но еще до того бритты, по крайней мере те, кто находились в непосредственном контакте с римской администрацией, выучили латынь и познакомились с Вульгатой². Самое раннее из уцелевших сочинений в истории Англии, написанное не римлянином, а бриттом, – «Epistle» Гильды³, – написанное около 550 г., свидетельствует о доскональном знании Ветхого Завета. Гильда повествует об ужасающих нападениях, которым подверглись его соотечественники со стороны саксов, ютов и данов, которых он сравнивает с ассирийцами и филистимлянами древности. После рассказа о каждой битве он приводит аналогию из Ветхого Завета и на каждой странице цитирует Пятикнижие, книги пророков или Книгу Псалмов.

Два столетия спустя Беда Достопочтенный, истинный отец английской истории, выдвигает осторожные предположения относительно происхождения англичан. Он возводит их предков к Скифии – этим словом античные географы называли регионы по берегам Черного моря. Тут, как считалось, пристал к горе Арарат Ноев ковчег и отсюда от потомства Ноя произошли все народы мира. Первыми поселенцами Британии Беда называет кимбров, или киммерийцев, которые пришли из тех мест. В поисках предков бриттов это племя, названию которого существуют сотни вариантов написания и которое мигрировало с Востока, можно встретить на каждом шагу. Согласно исследованиям современным антропологам, это вполне реальное племя пришло в Северную Европу вместе с тевтонскими племенами, часть его осела в Галлии, а часть в Британии³.

Беда не рассматривает «сказки» о Бруте и сыновьях Ноя. Впервые в роли предков бриттанцев они появляются в труде загадочного лица; до нас дошли только его имя – Ненний – и его рукописи – «Historia Britonum»⁴. Жил ли он в VIII или в X веке, в Англии, в Ирландии или в Уэльсе, было ли два Ненния, или вообще это был кто-то третий, было предметом академических и малозначимых споров. Кем бы он ни был, Ненний оставил аутентичный манускрипт эпохи донормандского завоевания, в котором, по словам профессора Полларда, «не делается критического различия между деяниями драконов и деяниями англосаксов». Никто и не ожидал бы от Ненния, что он будет чрезмерно осторожен в высказываниях о происхождении бриттов, и Ненний выводит на передний план Брута, который, по его словам, дал свое имя Британии. Впоследствии эту идею с энтузиазмом пропагандировал хронист XII в. Гальфрид Манмутский, но менее восторженные историки предпочитали держаться авторитета Писаний

² Перевод Библии на латынь, сделанный в конце IV – начале V в.

³ Основное произведение Гильды Премудрого (?–569/570) называется «De excidio et conquestu Britanniae» – «О гибели Британии». Сохранились также отрывки из посланий Гильды, содержащиеся в корпусе ирландского канонического права и посвященные вопросам монашеской дисциплины.

⁴ «История бриттов» (лат.).

и выбирали Гомера, одного из сыновей Яфета в Книге Бытия, среди которых поделили острова неиудеев⁴.

Реформация упрочила позицию Гомера как старейшего бритта в ущерб Бруту. С приходом Реформации Библия, как явленное слово Божие, стала высшим авторитетом, а Книга Бытия – единственным допустимым или даже мыслимым рассказом о происхождении человека. К приукрашиваниям Гальфрида, столь популярным в Средние века, стали относиться с подозрением. «Если найдем, что они смешаны с суевериями, – писал Джон Бейл, историк времен Генриха VIII, – то станем соизмерять их с Писанием и держать в уме греховность их времен». Ему вторил великий историк елизаветинской эпохи Уильям Кэмден, который попытался раз и навсегда разрешить вопрос о происхождении англичан. Отбросив Брута, он остановился на Гомере, который, по его словам, «дал происхождение и имя гомерианам, которые после стали называться кимврами или киммерийцами... Наши бритты, или киммерийцы, истинное и непреложное потомство Гомера. Таково мое суждение касательно происхождения бриттов или, точнее, моя догадка». Далее с осторожностью истинного ученого Кэмден предостерегает, что поиск первого предка может никогда не увенчаться успехом, «поскольку воистину те первые жители прячутся в столь темных глубинах древности, что весьма мала или нет никакой надежды вернуть прилежанием то, что столь много веков было погребено в забвении».

Начиная с Кэмдена, поиски предков превращаются в попытки сплавить воедино сведения, почерпнутые из Библии, и растущий корпус научных знаний о древних народах и их миграциях. К тому времени, когда столетие спустя после Кэмдена Мильтон взялся за написание своей «Истории Англии», Гомер под воздействием этого процесса начал превращаться из человека в племя. Мильтон называет «нелепой выдумкой» утверждение о том, что какой-либо конкретный сын Яфета мог поселиться в Британии, но без тени сомнения продолжает свое повествование в рамках традиции, дескать, после Потопа потомство Гомера заселило северные и западные острова. Теперь повсеместно полагалось, что это потомство и есть племя киммерийцев, чье название ученые выводили из имени «Гомер» в трактатах о преобразованиях в иврите, греческом и кельтском алфавитах.

Сегодня антропологи отмечают язык как ниточку, ведущую в прошлое, и предпочитают следовать данным артефактов и костей. Они заявляют, что грамматические структуры и отмирание заимствованных слов являются критерием расового родства. Они говорят, что ученые прошлых поколений, которые следовали за языком, а не за костями, шли неверной дорогой. Но они как будто не пришли к выводам, радикально отличающимся от выводов их предшественников, которым приходилось подгонять свои гипотезы под рамки Книги Бытия. В роли предшественника британских кельтов они просто заменили индивидуума Гомера на племя с Востока.

Беда, живший в самом сердце того, что мы окрестили Темными веками, нашел кимвров, и в свете современной антропологии кимврам позволено остаться, хотя Гомер сошел со сцены. Все это попросту наводит на мысль, что традиция, «изустный рассказ о том, что некогда происходило», не всегда уступает науке.

2. Финикийцы на Альбионе

Персонифицированный предок в лице Гомера или Брута – легенда. Но реальное звено между древним Альбионом и страной Ханаан было выковано во времена Моисея народом, который уже давно исчез с лица земли: финикийцами и прекельтами. Финикийцы Тира и Сидона были выдающимися мореплавателями и купцами античного мира. Не имея компаса и секстанта, они плавали по неизведанным морям и даже заходили в Атлантический океан. В Первой книге Царств рассказывается, как они водили триремы царя Соломона⁵ до самого Таршиша, как в древности назывался Кадис⁵.

Тяга британцев к старине заставила их ухватиться за этот народ и приписывать им то открытие Британии, то заселение Британии или по меньшей мере торговлю с ней. Хотя бесспорных доказательств не существует, финикийское звено вполне укладывается в пределы вероятного, но главное тут – не вероятность, а связь с известным народом античности и реальными фигурами из Ветхого Завета⁶, которая объясняет, почему за эту гипотезу так страстно ратуют британские историки.

Доказательства в пользу этой гипотезы строятся главным образом на олове, служившем основной плавильной присадкой в бронзовом веке. Олово добывали в Корнуолле. Как нам известно из Книги пророка Иезекииля, в VI в. до н. э. оно появилось на рынках Трира. Это олово, согласно Геродоту, писавшему в 440-х гг. до н. э., привозилось с островов под названием Касситериды – само слово не дает никаких географических зацепок, поскольку попросту означает «олово» на древне-греческом. Однако все античные географы после Геродота идентифицировали их либо с островами Силли у побережья Корнуолла, либо с самим Корнуоллом⁷.

Кэмден не только первым из историков нашей эры вывел генеалогию Гомера-кимвров-кельтов, он также первым заговорил о роли финикийцев в античной Британии. С возрождением интереса к античности в Европе XVI столетия английские ученые, следуя за Кэмденом, выкапывали малейшие упоминания об античной торговле оловом, и к немалому своему восторгу, обнаруживали, что благодаря этому самому олову Британия своим античным прошлым может сравняться с Древней Грецией, Троей и странами из Библии. Кембриджский ученый Эйлетт Сэммс так увлекся этой теорией, что написал книгу под названием «Древности древней Британии, выведенные из финикийцев», в которой доказывал, что «сам язык в основе своей, равно как обычаи, верования, идолы, чины и титулы древних бриттов явно финикийского происхождения».

Еще одним связующим звеном считают другой предмет монопольной торговли финикийцев – знаменитую пурпурную краску. Подкрепление эта гипотеза получила, когда на побережье Корнуолла и Девона были найдены свалки осколков раковин особого вида моллюсков, дающих краску нужного цвета⁸.

Но еще более значительными, чем олово и обломки раковин стали свидетельства в камне. Могучие и невероятные каменные монументы Стоунхенджа и Эйвбери, воздвигнутые некогда как примитивными солнцепоклонниками Британии, имеют несомненное сходство со священными камнями, игравшими роль в поклонении ханаанитов различным местным богам. Пионер археологии Корнуолла, доктор Борлейз, проводя раскопки доисторических курганов своего родного Корнуолла, полагал, что «грубые обелиски», которые находят в Британии, возможно, воздвигнуты финикийскими купцами божествам своего народа, «поскольку известна

⁵ В греческом варианте – Фарсис, как он и упоминается в русском синодальном переводе Библии; Таршиш – еврейское название; ученые предполагают, что это может быть финикийский торговый город-порт Тартесс на юге Испании. Что касается основанного финикийцами Кадиса на юго-западе Испании, то сами финикийцы называли его Гадир или Гадер, римляне – Гадес.

пресловутая тяга ханаанитских народов возносить божественные почести подобным грубым камням». Это было написано еще в 1769 г.

Борлейз и ученые после него полагали, что финикийцы открыли Британию приблизительно в XIV в. до н. э.⁹. Любопытно, что приблизительно в это же время, по предположениям современных археологов, были воздвигнуты комплексы Стоунхенджа и Эйвбери¹⁰. Их строительство археологи приписывают, разумеется, не финикийцам или друидам, а племени культуры колоковидных кубков, одному из племен индоевропейской группы, которые с территории Западного Средиземноморья распространились на север и запад, пересекли Альпы и дошли до Британии приблизительно в XVIII в. до н. э., то есть в начале бронзового века. Эти крупнокостные кочевники, полагавшиеся главным образом на скотоводство, но знакомые с сельским хозяйством, имели круглые головы и строили круглые могильные холмы. В Британии они вытеснили более раннее население культуры неолита, которое (так удобно) имело головы вытянутые и строило вытянутые курганы. Археологи до крайности любят людей культуры колоковидных кубков, чью поразительную миграцию прослеживают по всей Европе по черепкам, металлическим пуговицам и пряжкам. Но как бы ни была высокоразвита культура этих кочевников, о них стало слишком поздно известно, чтобы они могли соревноваться за место предтеч в сознании читающих Библию масс. Захороненный в кургане скелет, сколько бы пряжек и кубков при нем ни находили, не столь привлекателен на роль предка, как правители древних Тира и Сидона⁶, столь знакомые по страницам Ветхого Завета.

Официально эта традиция была подтверждена и упрочена, когда президент Королевской академии лорд Лейтон получил заказ написать фреску, изображающую «коммерцию античности» на стенах Королевской Биржи в Лондоне. Там всем напоказ изображены чернобородые финикийцы, разворачивающие пурпурные ткани перед изумленными бриттами, которые в обмен предлагают им шкуры и слитки олова.

В 146 г. до н. э. борьба Карфагена и Рима за контроль над Средиземноморьем наконец завершилась победой последнего. С этого момента финикийцы сходят с исторической арены, и мирская власть Востока переходит к марширующим легионам Италии. Вскоре они станут хозяевами и Палестины, и Британии и выкуют новое звено между ними.

⁶ Идея, однако, не умирает. В 1924 г. Лоренс Уэделл опубликовал книгу с претензией на научность под названием «Финикийское происхождение бриттов, шотландцев и англосаксов». Опираясь на свидетельства каменных артефактов, автор выстраивает неплохую теорию; но его тревожит, что финикийцы были семитским народом, и он сам подрывает возможность быть воспринятым всерьез, утверждая, что они были арийцами и что существующие их изображения следует «чутьточку подправить в области носа, чтобы они укладывались в арийский тип». – Прим. автора.

3. Римская Иудея и Римская Британия

Когда Британия впервые вышла из тумана доисторических времен на страницы «Записок» Юлия Цезаря, Храм еще стоял. За сто лет или около того, между эпохой Цезаря и падением Храма в 70 г. н. э., Рим покорил и Иудею, и Британию. И евреи, и бритты стали подданными Римской империи, соединенными вездесущими римскими легионами.

Помпей вступил в Иерусалим в 64 г. н.э, когда немощный наследник некогда великой династии Маккавеев призвал римлян на помощь в войне против своего равно никчемного брата. Римляне, разумеется, остались. Помпей низвел Иудею до статуса провинции, и хотя позднее она на краткий период удостоилась ранга зависимого царства при Ироде Великом, но все равно осталась частью Римской империи.

Тот же сценарий, при котором внутренняя рознь открывала двери римским завоевателям, разыгрался в Британии. Хотя Цезарь выиграл битву с бриттами, он не смог завершить завоевание, поскольку у него были связаны в руки в Галлии и его одолевало множество проблем в самом Риме. Но теперь на Британию легла августейшая тень Рима. Шанс заменить тень на нечто более существенное представился в 40-х гг. н. э., когда в Риме правил император Клавдий, а в Британии – царь Циноболин или Кимбелин. Мятеж сыновей, свары между различными племенами и проблемы выплаты дани привели к гражданской войне в Британии, в ходе которой мятежный вождь одного из племен отправился за помощью в Рим, раскрыл внутренние противоречия своих соотечественников и вернулся с готовыми воевать легионами. Книжкой Клавдий, пусть и не был воином, не был, однако, и глупцом и шансы на новые завоевания видел не хуже полководцев. Когда улеглась пыль, как всегда на поле стоял римлянин. Клавдий лично приехал в Британию праздновать свой триумф и по этому случаю воздвиг триумфальную арку в самом Риме.

Этим параллели между участием двух стран не ограничиваются. Восстание кельтских племен во главе с Боудиккой и восстание евреев в Иудее случились на противоположных концах империи Нерона в одно и то же десятилетие. Оба восстания были заведомо обречены, оба вдохновлялись фанатичным патриотизмом и отчаянной смелостью, и оба потерпели поражение. В 61 г. н. э. Боудикка, спровоцированная зверствами римлян, собрала армию, чьи шипастые колесницы мятежно пронесли по римским поселениям. Это был доблестный удар, который, однако, не удалось повторить впредь. Римские подкрепления пересекли пролив, раздавили восстание царицы, перебили ее народ, положив конец последней попытке кельтской Британии сбросить римское ярмо. В 66 г. н. э. еврейские зелоты попытались сходным образом свергнуть своих римских владык, три года они сопротивлялись армиям Веспасиана и Тита. Но под конец истощенный голодом Иерусалим был взят штурмом, Храм предан огню, а еврейская государственность уничтожена.

«Какое безумие навело иудеев на мысль, будто они смогут выстоять против Рима, когда все прочие народы терпели поражение?» – вопрошал красавец Тит и напоминал слушателям о недавнем поражении бриттов. На этом молодом полководце, будущем императоре и «любимце богов», сошлись, как сам он это понимал, Иудея и Британия. Понимал, когда стоял на рушащейся стене, пока ревело и трещало пламя в священном Храме, который он тщетно старался уберечь от фанатизма его отчаянных защитников и оголтелого гнева собственных солдат. Внутри городских стен поднималась вонь от скопившихся за много месяцев непогребенных тел тех, кто погиб от голода на улицах. За ними высился лес крестов с гниющим грузом гражданских, попавших в ловушку между смертью от голода и смертью от римских мечей, излавливаемых и распинаемых самими осажденными, когда каждую ночь пытались выбраться из обреченного города. Стены города лишь навлекли на него смерть. Оглядываясь по сторонам, Тит вспомнил про другую стену, которая тоже подвела своих защитников. «Скажите на милость, –

сказал он пленным, – что может быть большим препятствием, чем стена океана, которая окружает бриттов, однако и они склоняются перед мощью римского оружия»¹¹.

Если такое совпадение пришло на ум Титу, то еще более глубокое впечатление оно производило на англичан в эпоху христианства. Они считали римское завоевание проявлением Божьего гнева, обрушившегося на бриттов за их язычество и на евреев за то, что отвергли Христа. В эпоху христианства роль Веспасиана как орудия возмездия в обоих случаях казалась явным вмешательством Господа. Сам Веспасиан, жизнелюбивый материалист лучшего римского толка, изумился бы, узнав, что последующие поколения называют его орудием бога, про которого он слыхом не слыхивал.

Ощущение исторической драмы почти настаивает, что в ту эпоху, когда на краткое мгновение совпали судьбы евреев и бриттов, два мятежных народа должны были как-то соприкасаться. Рим, как нам известно, силой загонял покоренные народы, выключая бриттов и иудеев, на военную службу во вспомогательных войсках, которые посылал в другую часть империи. Не могло ли быть еврейских солдат в легионах, которые сожгли Лондиниум, когда его удерживали мятежные отряды Боудикки, или бриттов в легионах, штурмовавших под командованием Тита стены Иерусалима?¹²

Если где-то и возможно найти свидетельства, то в записях двух величайших историков того времени: римлянина Тацита и иудея Иосифа Флавия. Оба писали о событиях, в которых сами принимали участие: Иосиф Флавий – в «Иудейской войне», Тацит – в «Агриколе». Но ни в той, ни в другой нет упоминаний ни о бриттах в Иудее, ни о иудеях в Британии.

Иосиф Флавий писал, что нет на свете народа, среди которого не было бы иудеев, и это может быть подкреплено многочисленными упоминаниями в трудах античных авторов о еврейских общинах во всех провинциях Римской империи от Персии⁷ до Испании, за одним исключением – в Британии¹³. Вполне возможно, даже вероятно, что следом за римлянами этого самого западного форпоста империи достигли еврейские торговцы или обращенные в рабство пленники из Палестины. Но если и так, то они не оставили по себе следа. Один кирпич и одна иудейская монета, выкопанные случайно в Лондоне с разницей в два столетия, хотя и вдохновили энтузиастов на многие страницы спекуляций и догадок, на самом деле ничего не значат. Кирпич, найденный в 1670 г. на Марк-лейн, был римского производства и на широкой части украшен барельефом с изображением того, как Самсон поджигает лисам хвосты, перед тем как погнать лис на поле пшеницы. Но это мало что доказывает, поскольку помимо евреев и другие знали истории из Ветхого Завета, да и в еврейском изобразительном искусстве редко встретишь изображения людей. Монета, отчеканенная в Иудее в несколько горьких лет независимости, отвоеванной у римлян Шимоном Бар-Кохбой в 132–135 гг., равно не доказывает существования в Лондоне еврейской общины, поскольку ее вполне мог привезти какой-нибудь купец или римский солдат, подобранный в качестве сувенира битвы¹⁴.

Но это вызывает в памяти еще одно любопытное совпадение. И снова на подавление восстания был вызван генерал из Британии: на сей раз легат Юлий Секст Серв был вызван в Палестину, чтобы подавить яростное и фанатичное восстание Шимона Бар Кохбы. И подобно Титу, за два поколения до него он обрушил на иудеев страшную кару. Отныне им воспрещалось вступать Иерусалим, и все они, за исключением малой части, были изгнаны из Палестины.

Невзирая на эти совпадения, историк после всех поисков контактов между двумя народами в тот период остается с пустыми руками. А с того момента их исторические пути расходятся. Евреи потеряли свою страну, но сохранили в изгнании ощущение нации. Кельты Бри-

⁷ Римская империя на протяжении двух столетий вела войны с Персией, конец которым положило завоевание Персии арабами; ряд областей переходили в ходе этих войн из рук в руки, но Персия не была разбита римлянами и никогда не входила в состав Римской империи.

тании остались в своей стране, но утратили свою национальную идентичность под натиском нескольких волн завоевателей извне.

Глава II

Апостол бриттов: Иосиф Аримафейский

Параллельно с поисками истоков национальной идентичности в Англии шли поиски истоков религии. Национальная гордость требовала, чтобы у британской церкви был персонифицированный основатель, и искали его непосредственно в Палестине, а нашли в лице Иосифа Аримафейского. Иосиф был богатым иудеем и тайным последователем Христа, который безмолвствовал в санhedрине, членом которого состоял, и проголосовал за то, чтобы передать Иисуса в руки гражданской администрации в лице Понтия Пилата. Позднее Иосиф публично просил передать ему останки Христа для погребения¹. Он был первым состоятельным и влиятельным человеком, который вступил в новую секту, и, без сомнения, считался «предателем своего класса», поскольку весть из Галилеи была обращена не к богатым и высокорожденным.

Легенда о нем тесно связана с Гластонберийским аббатством, самым старым в Англии, основание которого ему приписывают. В одной из «Королевских идиллий» Теннисона монах говорит:

«Из древних книг я знаю
Когда пришел Иосиф в Гластонбери,
Языческий правитель Арвираг
Ему для поселения отдал остров
Среди болот, где он из тростника
Уединенную построил церковь»⁸.

Теннисон, разумеется, почерпнул Иосифа из «Смерти Артура» Томаса Мэлори. У Мэлори говорится «что волею судьбы [Иосиф] прибыл в землю, которая в ту пору звалась Великою Британией», сумел «одолеть» «великого язычника», который там правил, «и после все люди здешние в христову веру обратились».

Свод Мэлори был, однако, не началом, а конечным продуктом столетий сплава истории и легенды, которая с каждым следующим хронистом все больше разрасталась на этой плодородной почве. К тому времени, когда про него написал средневековый хронист и автор свода куртуазных романов, Иосиф представал не только зачинателем обращения в христианство кельтской Британии и носителем Грааля, но и предком величайшего национального героя Британии, короля Артура и, на некий мистический лад, звеном между Артуром и национальным героем Израиля, царем Давидом.

Почему английская традиция остановилась на Иосифе Аримафейском, а не на ком-то другом? Возможно, ответ кроется в том, что он действительно проделал путь из Палестины в Британию. Остальные апостолы тоже совершали дальние путешествия из Иудеи, чтобы проповедовать евангелия, и римские пути в Британию были открыты. Во всяком случае, никто не может однозначно утверждать, что он этого не делал: никто не может доказать обратного, особенно учитывая скудность источников о том времени. По крайней мере у Иосифа Аримафейского была одна важная заслуга: он был участником событий, стоявших у истока зарождения христианства. Из двенадцати апостолов Рим выбрал Петра, Испания – Иакова, Франция – Филиппа, и британская национальная гордость не удовлетворилась бы кем-то, менее тесно связанным с колыбелью своей веры.

⁸ А. Теннисон, «Королевские идиллии», «Святой Грааль», пер. В. Лунина.

Кто первым принес христианство в Британию, нам не известно, и скорее всего мы этого не узнаем. Бесспорный факт в том, что оно просочилось посредством обращенных римлян, следуя сценарию, который уже разыгрывался в других частях римской империи. Всего через двести лет после смерти Христа писатели того времени² упоминали христианские общины в Британии. К 314 г. кельтская христианская церковь укрепилась здесь настолько, что послала трех епископов делегатами на Арльский поместный собор. Но более позднюю церковь такие туманные и анонимные истоки не устраивали. Потребовался предок героического и античного толка, и постепенно фигуру Иосифа стали воспринимать как изначального апостола бриттов.

Исторических свидетельств в его пользу нет. После подробнейшего изучения всех сохранившихся свидетельств непререкаемый авторитет в данной области епископ Стаббс пришел к выводу, что любое упоминание об апостольской проповеди в Британии на протяжении I в. н. э. должно «основываться на догадке, ошибке или сказке»³. Иосиф Аримафейский стал такой «общепринятой сказкой».

Этот миф укоренился настолько, что к концу Средних веков Иосиф Аримафейский был официально признан основателем церкви Англии. Можно даже назвать конкретный момент, когда это случилось. В 1431 г. на Базельском соборе решение вопросов о первенстве и прочих деликатных частностей протокола определялось древностью церковей соответствующих стран. В подкрепление своего права первенства англичане сослались на Иосифа. В последовавшей затем ссоре с испанскими епископами, в которой на протяжении нескольких дней метались громы и молнии латинской риторики, англичане утверждали, что Иосиф прибыл в Британию раньше, чем Иаков в Испанию, и вообще всем известно, что Иаков был убит, когда до Испании еще даже не добрался, что Гластонбери – материальное свидетельство присутствия Иосифа в Англии и что неважно, сколь малый уголок страны он обратил, речь идет не о количестве обращенных, а о древности обращения. Чтобы подкрепить свои притязания, епископы Лондонский и Рочестерский, возглавлявшие английскую делегацию, составили памятную записку, которая гласила:

«...несомненно и может быть заверено древними книгами и архивами, в особенности архивами почтенного аббатства Гластонбери в епархии Бата, что Иосиф Аримафейский с двенадцатью спутниками прибыл в Англию, спасаясь либо от гонений Ирода, либо от гонений высших римских чинов в Иудее. В том месте [Англии] он проповедовал, что видел и слышал о Христе, и той проповедью обратил английских людей без счета. И от них приобрел много и без счета вещей, которые приносили ему обратившиеся в веру. Эти вещи он впоследствии оставил церкви Христа, им воздвигнутой в то время, когда Петр проповедовал святую веру в Антиохии. На месте церкви, построенной Иосифом, создан был потом монастырь с рангом аббатства, и сие достопочтенное аббатство и монастырь сохранились, хвала Господу Христу, до сего дня»⁴.

В этой памятной записке мы видим критическую точку, в которой «сказка» превращается в историю.

Основные истоки развития легенды об Иосифе Аримафейском – в извечной зависти англичан к Риму, в претензии на древность британской церкви, предшествующей даже римско-католической. Иосиф удовлетворял желание англичан обойти Рим и проследить истоки веры до ее колыбели в Святой земле. Теория об апостоле непосредственно к бриттам, свидетеле и даже действующем лице драмы распятия и возрождения, который пришел непосредственно из Палестины, чтобы нести слово Божие, впервые появляется сразу после нормандского завоевания. Теперь настал черед всему саксонскому подавляться новыми завоевателями, зато кельтская культура переживала период возрождения. В этот период расцветает цикл артуровских романов, преобразая великого защитника кельтской Британии и рыцарей Круглого стола в героев эпохи куртуазного рыцарства. В легенды о них вплетена легенда о Святом Гра-

але, и ведущая роль в ней отведена бывшему члену иерусалимского санhedрина Иосифу Аримафейскому.

По мере того как хронисты и поэты с XII по XV век заимствовали, добавляли и приукрашивали версии друг друга, легенда одевалась все большим величием и все новыми подробностями, приобретая по ходу материальные доказательства, пока любопытный клубок евангелий, апокрифов, кельтского фольклора и французских романов не стал неотъемлемой частью национальной традиции. К 1464 г. стихотворная хроника истории Британии Джона Хардинга включала – как само собой разумеющееся – утверждение, что «Иосиф Аримафейский пришел в Британию с Веспасианом и окрестил часть сего острова»⁵.

На протяжении тех трех столетий легенда о собственно обращении безнадежно переплелась с традицией о Граале, значительную часть сведений о котором принесли Крестовые походы. В Англии к легенде о Граале примешивалась кельтская традиция о короле Артуре и его рыцарях, а длинная череда хронистов превратила весь свод в своего рода псевдоисторию. Самое полное свое воплощение она нашла в романе Уолтера Мэпа, чьи «Поиски Святого Грааля», «Иосиф Аримафейский» и «Мерлин» были написаны около 1170 г. Роман о Иосифе и Граале создавался, как полагают ученые, по заказу Генриха II, который пропагандировал легенду из политических соображений. Легенду о Граале – Иосифе, которую популяризировал Мэп, Генрих использовал в подкрепление своих притязаний в борьбе с духовенством, а также для подкрепления своих прав возглавлять национальную церковь, по чину равную римской. Репутация и слава Гластонбери достигли почти головокружительных высот, когда Генрих – с внушительными церемониями – приказал раскопать кладбище при аббатстве и нашел там, по его утверждению, истинные гробницы Артура и Гвиневры. Тем самым Гластонбери стал официальным местом погребения древнего героя Британии. Целью Генриха было поднять Гластонбери над Кентербери, с которым у него были связаны неприятные воспоминания, поскольку там был убит Томас Бекет и поскольку могила Бекета становилась чересчур уж популярным местом паломничества.

Теперь статус Иосифа стал быстро повышаться. Отныне он и его потомки не только фигурировали в роли хранителей Грааля, но его считали предком самого короля Артура. В более поздних повествованиях, которые на манер средневековых романтических эпосов претендуют на роль истинных фактических хроник, божий промысел направляет Иосифа в Британию, которая «обещана ему и его потомству». Тут он дает жизнь роду, который прослеживается через многие «рожденья» до дамы, с которой Утер Пендрагон зачал Артура, «из чего, очевидно, следует, что король Артур происходит от рода Иосифа»⁶. Так утверждает писатель Иоанн Гластонберийский, живший ок. 1400 гг.

Вокруг фигуры Иосифа Аримафейского постепенно аккумулируются различные национальные символы: в кругу их оказывается не только чаша Грааля, но и священный меч, давший Артуру право на королевскую власть. Изначально меч принадлежал царю Давиду, «самый чудесный, какой когда-либо был выкован», который был взят из Храма и вручен Соломону, а тот отправил его по морям на чудесном корабле, дабы он нашел того, кому назначен судьбой, чистого рыцаря, «который станет последним в моем роду»⁷. Разумеется, это Галаад, который благодаря алхимии легенды становится потомком и Соломона и Иосифа разом. Также он наследует чудесный белый щит с крестом из крови, который привез из Сирии Иосиф. В «Смерти Артура» Мэлори Иосиф на смертном одре завещает меч Галааду, который родится этак пять веков спустя и которого он тоже называет «последним из моего рода».

Меч Давида и корабль Соломона – более поздние добавления к легенде в версии, датируемой XV веком. За прошедшие века Артуру и его рыцарям придавалась все большая правдоподобность, и теперь они представляли в хрониках как исторические фигуры, воины, сражавшиеся в битвах далекого прошлого против саксонских захватчиков. Возможно, неизбежно,

что их стали ассоциировать с библейскими героями, воплощавшими царскую власть Израиля в пору ее расцвета. Или эта ассоциация – еще одна ниточка в плотном переплетенье, возводящем столь многие кельтские традиции к некоему источнику в Палестине?

В то же время у легенды появились и другие иудейские элементы. Например, Иосифа Аримафейского стали смешивать с его тезкой из Ветхого Завета – Иосифом, сыном Иакова. В пространнейшей восьмисотстраничной эпической поэме XV в., вышедшей из-под пера некоего Генри Лоунлича, Иосиф по прибытии в Британию обнаруживает, что ею правит «великий злодей-язычник», называемый герцог Гаанор, и что населена она «сарацинами и прочими многими язычниками». Это, по всей очевидности, средневековая версия фараона и египтян. Как и фараону, герцогу было видение, которое не смогли интерпретировать его «сарацинские» писцы, и для его истолкования он призвал Иосифа, причем герцог принимает его толкование как истинное. Затем, подобно Навуходоносору, чьей сон истолковывал Даниила, он заявляет, что готов поклоняться богу Иосифа, и тут же обращается в христианство.

Еще одним иудейским элементом является образ Короля-Рыбака, ключевой фигуры историй об Иосифе и Граале, который становится хранителем Грааля после смерти Иосифа и доживает до появления Галаада. В некоторых версиях Король-Рыбак появляется сперва под именем короля Эвалака, сирийского владыки, который странствовал с Иосифом по Востоку и стал его первым обращенным. Титул «Король-Рыбак» будто бы происходит от того, что Бог повелел ему поймать рыбу, которая станет питать его и Иосифа в пустыне⁸. Как Левиафан из иудейской традиции, который должен накормить праведных при приходе Мессии, и как Левиафан в Псалтыре, которого Господь дал, чтобы он «был мясом людям, населяющим пустыню»⁹, отведать этой рыбы могут только праведники. Сам Грааль в качестве дарующего жизнь талисмана, чье обнаружение возвращает голой земле плодородие, можно встретить в различных религиозных культах. Иногда это блюдо или чаша. Иногда, как в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, священный камень, существующий с сотворения мира. В качестве камня историки связывали его с «драгоценным краеугольным камнем» Исаи, камнем в центре мира, камнем, который служил ложем Иакову и краеугольным камнем Храма Соломона. Кельтская традиция также присвоила этот мотив, поскольку считалось, что Скунский камень, на котором короновались английские монархи, был некогда частью ложа Иакова, привезенным в Ирландию в результате какой-то забытой миграции колена Иакова; после, уже из Ирландии, он был переправлен в Шотландию, откуда его выкрали английские завоеватели. Это тот самый камень, который наделал столько шума в 1951 г., когда шотландские националисты увезли его на родину в автомобиле.

Строить теорию о кельтско-иудейских связях на шатком основании из легенд об Иосифе – Граале было бы и впрямь неразумно. Стоит чересчур смелому исследователю хотя бы ступить в эти зыбучие пески, как его затягивает в пучину романов и фольклора, сравнительного религиоведения, трубадуров и миннезингеров, языческих и христианских мистерий, восточных и кельтских мифологий, где соперничающие ученые тщетно барахтаются в трясине мифов и текстов. Сама тема создает атмосферу, которая, стоит ее вдохнуть, становится убийственной для ясности, – достаточное тому доказательство намеренные туманности «Опустошенной земли» Томаса Элиота и *de reduction ad absurdum*⁹ легенды о Граале.

Но Иосиф Аримафейский как апостол бриттов прочно укоренился в английской традиции и просуществовал в этой роли еще несколько столетий после окончания Средних веков. Собиратель древностей XVI в. Джон Лиленд считал за истину апостольство Иосифа в Британии. Вторил ему и сэр Уильям Дагдейл, чей труд по истории Англии на основе документов старых монастырей «*Monasticon Anglicanum*»¹⁰ увидел свет столетие спустя, приблизительно

⁹ Доведение до абсурда (*лат.*).

¹⁰ «Английское монашество» (*лат.*).

в 1655 г. В то время Англию сотрясала вызванная тиранией архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода полемика о епископате и правах епископов, и эта полемика заставила теологов углубиться в туманное прошлое, чтобы разъяснить обстоятельства возникновения христианства в Англии. В одном из трудов на эту тему, «Церковной истории Великой Британии» Ричарда Броутона, есть глава названная: «Где доказывается всевозможными свидетельствами и авторитетами, что, несомненно, святой Иосиф Аримафейский и со многими святыми спутниками прибыл из Святой земли, проповедовал, жил и умер и был похоронен в Британии, в месте, ныне называемом Гластонбери, что в Сомерсетшире»¹⁰.

Если Броутон был доверчив, то его современник, преподобный Том Фуллер, служитель церкви, который в гражданской войне не стал ни на сторону роялистов, ни на сторону пуритан и перу которого принадлежат кое-какие из наиболее читаемых произведений XVII в., был прирожденным скептиком. Однако в своей «Церковной истории Британии» (1635) он не может заставить себя отрицать суть истории об Иосифе, хотя и признает, что «склонен к насмешкам над выдумками, которые сильно раздули ее обстоятельства». Признавая отсутствие достоверных сведений о I веке, Фуллер добавляет фразу, которая могла бы послужить заветом многим менее честным историкам: «Но, поскольку нахожу я мало, выдумывать не стану ничего, ибо лучше провести время в молчании, нежели во лжи».

Очевидно, что в то время вне зависимости от того, какие приводились свидетельства за или против, уже никто не мог бы выкорчевать Иосифа из британской традиции. Вполне вероятно даже, что он ее часть по праву, поскольку, как это часто случается, когда современная наука берется разбирать легенду, имеющиеся факты обычно подтверждают ее. И действительно, археологические находки подтвердили существование поселения каменного века в Гластонбери. То, как описывает это поселение археолог Жакетта Хоукс, вполне укладывается в историю об Иосифе Аримафейском и его крытой дранкой церкви на болотах. «Ради безопасности, какой требовало то время, основатели поселения избрали участок заболоченной местности... выкорчевали ольху и ивы, которыми он порос, а после невероятный труд был затрачен для того, чтобы на расчищенном участке создать рукотворный остров... На нем стояло около шестидесяти круглых хижин с плетеными стенами, глинобитными полами и крышами, крытыми тростником.... Внутри защитной стены сам поселок кипел жизнью, представляя собой компактную крепость, изолированную среди болот»¹¹.

Возможно, этими изолированностью и защищенностью объясняется то, что древняя традиция Гластонбери сохранялась так долго. Затем пожар, по всей видимости, уничтожил исходное поселение, но при этом запек обмазывающую дранку и ивняки глину и тем самым законсервировал артефакты. Обнаруженные более двух тысячелетий спустя, эти куски запеченной глины до сих пор хранят отпечаток ивовой лозы. В ходе раскопок болотного поселения также были найдены образчики обработанного камня, сходные с теми, какие находят в Сирии, что предполагает некую связь с родиной Иосифа.

Как писал специалист по истории Древней Британии профессор Фримен, «Нам необязательно считать, что гластонберийские легенды раскрывают факты, но существование этих легенд непреложный факт»¹².

Глава III

Во вратах твоих, Иерусалим¹¹: Паломническое движение

Впервые паломники из Британии отправились в дальний путь в Иерусалим в смутную эпоху между закатом Римской империи и предрассветными часами Средних веков.

Обороты паломническое движение стало набирать в начале IV в., после того, как император Константин объявил христианство государственной религией или, во всяком случае, религией, которой отдается первенство в Римской империи. Его мать Елена, также обратившаяся в христианство, постаралась установить точное место евангельских событий. В ходе своего путешествия в Палестину в 326 г. она провела – крайне своевременные – раскопки и нашла Истинный Крест и Гроб Господень. Впоследствии деятельность ее сына и ее собственная по усеиванию Палестины церквями, памятниками и странноприимными домами, которые отмечали святые места, воодушевила христианский мир и привела к волне паломничества.

История кельтской Британии этого периода покрыта мраком. Но если не в Британии, то в Палестине налицо свидетельства того, что бритты совершали паломничества в Святую землю уже в IV в. Святой Иероним, писавший из Вифлеема в 386 г., замечает: «Бритт скорее откажется от своего западного солнца ради поисков мест, о которых знает только по Писанию и со слов молвы, чем укрепитесь в вере»¹. Это замечание подтверждается независимым свидетельством современника, Палладия Галаты, епископа Гелиополиса в Египте, который большую часть своей жизни прожил в Палестине. В своей книге биографических набросков жизни различных монахов, аскетов, отшельников и прочих местных знаменитостей Палладий упоминает паломников, которые приезжали со всего света, даже «из Персии и Британии»². Из другого письма Иеронима следует, что бритты приезжали значительным числом, хотя, по всей видимости, не в достаточно благочестивом настроении, чтобы удовлетворить автора, поскольку он предостерегает будущих паломников: «что так же просто найти дорогу на небеса в Британии, как в Иерусалиме».

Мы не знаем, кто они были, но можем сказать наверняка, как они добирались. Они шли пешком. От Эдинбурга на севере построенные римлянами дороги тянулись через всю Европу, пересекали Балканы и Малую Азию до самой Иудеи. И паломник из Британии мог идти по ним: от Лондона до Дувра, затем пересечь Ла-Манш, чтобы попасть в Кале, а далее следовать по стопам легионов через Галлию, Альпы, после спуститься в Италию, а уже оттуда отплыть из Брундизия через Адриатическое море в Македонию или идти в обход через Тракию в Византию, а уже оттуда через Антиохию и Дамаск в Иерусалим. Или он мог сесть на корабль из Мессины на Сицилии, доплыть до Карфагена и идти по римской дороге вдоль побережья Средиземного моря в Александрию, а после через Египет и Синайскую пустыню – к месту своего назначения.

Возможно, самых первых бриттов вдохновляло чувство сродства с популяризаторами Святой земли, Еленой и Константином, к которым у бриттов было особое отношение. Согласно широко распространенной в Средние века легенде, Елена была уроженкой Британии, дочерью валлийского царя, но невозможно сказать, верили ли в это при ее жизни сами бритты. Факт в том, что отец Константина погиб в Йорке, в ходе военной кампании против наводящих ужас шотландцев и пиктов, набеги которых периодически обрушивались на Британию. Именно там

¹¹ Псалтырь, 121:2.

Константин, провозглашенный императором легионами, начал карьеру, которая будет иметь большие последствия для всего мира его эпохи.

Из свидетельства святого Иеронима ясно следует, что уже через два поколения после обращения Константина паломничества в Иерусалим стали общепринятым обычаем: число паломников даже раздражало Иеронима, который довольно желчно отнесся к чрезмерно пылким путникам. Он жаловался, что «Иерусалим делается теперь курортом для всего света, и такие толпы паломников обоих полов стекаются сюда, что тут скапливаются все искушения, каких до некоторой степени можно избегать в других местах». Возможно, святой Иероним вообще по складу характера был склонен к порицанию, сам строго хранил celibat и вечно понукал римских матрон отказаться от ванн, повторных браков и прочих мирских удовольствий. Однако письма его самого и его пылкой ученицы, римской матроны Павлы, показывают, какое место в мире занимала в то время Палестина: ее называли «первой среди всех стран». «Кто захочет учить греческий где-либо кроме Греции и латынь где-либо кроме Рима», – писала Павла, а в другом письме вопрошала: «Можно ли считать законченным христианское образование того, кто не посетил христианские Афины?... Те, кто значатся лучшими по всему свету, собрались здесь бок о бок».

Но Иерусалим понемногу уступал место Риму, пока с созданием папского престола при Григории Великом в 590 г. центр власти в христианском мире не переместился окончательно в Европу. Иерусалим оставался духовным домом, «матерью всех нас», по выражению приора в романе Вальтера Скотта «Айвенго», и все еще местом паломничества. Но с мирской точки зрения он оказался отрезан от остальной Европы мусульманским завоеванием в 637 г. С того момента, за исключением отвратительного эпизода с Латино-Иерусалимским королевством крестоносцев, Палестина оставалась под мусульманским владычеством в той или иной его форме при череде сменявших друг друга аббасидских и фатимидских халифатов, сельджуков и османов до 1918 г.

Теперь Иерусалим присвоили себе как святое место магометане. До тех пор он фигурировал в новорожденной религии только на долю секунды между падением чаши со столика Магомета и до того, как она была поймана, не достигнув земли. В это мгновение пророку явилось его знаменитое видение о чудесном полночном путешествии в Иерусалим верхом на крылатом белом скакуне Альбораке и восхождение оттуда на небеса³. Однако теперь последователи Магомета, запоздало пришедшие к монотеизму, физически завладели городом, священным для двух более древних религий, и смогли воспользоваться его престижем. С проницательным оппортунизмом, который отличал основателя их веры, они рьяно взялись перенимать столько иудейских и христианских учений и практик, сколько могло уместиться на страницах Корана. Завоеватель Иерусалима Омар посетил Святой Камень, на котором Авраам собирался принести в жертву Исаака и где некогда стоял Храм Соломона. Очистив его от грязи, которой осквернили его христиане того времени, чтобы проявить свое презрение к евреям, он повелел считать это место священным для мусульман. Тут была построена мечеть Омара⁴, и отныне Магомет владычествовал там, где правил Давид и проповедовал Иисус.

Однако связь между Европой и Палестиной поддерживал постоянный поток паломников. Омар ввел принцип терпимости к христианам и евреям, которых уважал как собратьев-монотеистов, позволяя им оставаться и жить в Палестине при условии некоторых ограничений и навещать различные святые места при условии уплаты подати, из которой извлекал солидный доход. Но эти привилегии зависели исключительно от личной политики правящего в тот или иной период халифа. Паломники практически не подвергались опасности и притеснениям в правление дружественных или терпимых халифов, таких как Гарун аль-Рашид, который в 801 г. в знак своей знаменитой дружбы с Карлом Великим послал ему ключи от храма Гроба Господня и признал его Защитником христиан на Востоке. Зато другие были оголтелыми врагами христиан, как, например, безумный халиф эль-Хаким, своего рода арабский Нерон,

который в 996 г. сжег храм Гроба Господня и вырезал тысячи иудеев и христиан⁵. Третьи, предпочитая славе доход, давали христианам права на жительство и возвращали привилегии паломникам в обмен на уплату огромных налогов и податей.

Изю всех уголков Европы паломники брели в Святую землю, привлекаемые отчасти благочестием, а еще любопытством посетить святыне, прикоснуться к святыням, купить сувениры из тех мест или реликвии, связанные со знаменитостями эпохи. Последними были, разумеется, святые и люди церкви. Интеллектуальную жизнь того времени в значительной степени определяли религиозная доктрина и ее толкователи. Самое трудное для сегодняшнего человека, который старается понять средневековый мир, – осознать, до какой степени доктрины, догмы и споры христианской церкви поглощали и контролировали всяческую интеллектуальную деятельность. Хотя Ветхий Завет был известен в несовершенной версии латинской Вульгаты, свод средневековых знаний ограничивался главным образом евангелиями и писаниями ранних отцов церкви. В результате Палестина приобрела в сознании людей почти исключительно неиудейские ассоциации. Никто не считал Иисуса еще одним в долгой череде иудейских пророков, равным образом ни иудейские пророки, ни закон Моисея не имели такого влияния, какое будут оказывать позднее, после Реформации. В глазах средневековых европейцев Палестина была землей не избранного народа, а землей, по которой ходил их Спаситель. Евреи в Средние века были исключительно предметом враждебности как убийцы Христа и ростовщики. Для первых христиан, когда само христианство было еще только сектой, старающейся закрепиться как церковь, евреи были Бурбонами «королевского строя». Киафа, первосвященник Храма, был для членов этой секты тем же, кем был Георг III для американских колоний. Но к тому времени, когда христианство получило статус официальной религии при Константине, Храм лежал в развалинах, а евреи превратились в бездомную секту и, поскольку они были чужими повсюду, их тем проще было проклинать. Что они тысячу лет владели Палестиной, едва ли приходило на ум паломнику, и уж точно не паломнику Средних веков.

Самый первый известный нам по имени британский паломник, который достиг Палестины, строго говоря, паломником не был. Это был британский монах Пелагий⁶, основатель знаменитой ереси, названной в его честь, который прибыл в Святую землю приблизительно в 413 г. Он проживал в Риме, пока этот город не был разграблен Аларихом, что вынудило его, наряду со многими другими жителями Рима, бежать в Карфаген. Там он вступил в конфликт с Блаженным Августином, который главенствовал над здешними христианами из своего карфагенского сада. Пелагий, будучи человеком незамутненной веры, не разделял ужасные душевные боренья святого из Гиппона, равно как и не мог принять его настойчивых утверждений, что не во власти человека достичь спасения, но наградить им может лишь божья благодать. Надеясь обрести более благоприятный религиозный климат, Пелагий перебрался в Палестину, но там схлестнулся со сварливым и неуживчивым Иеронимом, который тут же презрительно объявил его старым дураком, отупевшим от шотландской овсянки. Поскольку его доктрина, содержащаяся в серии комментариев к посланиям святого Павла (кстати сказать, это самая ранняя из написанных бриттами книг), наживала ему врагов в среде закоснелого епископата так же быстро, как и распространялась в христианском мире.

Уже тогда пелагианство было характерно британской ересью, ибо Пелагий заново открыл свободу воли. Отбросив доктрину первородного греха, он предположил, что грех скорее вопрос выбора, чем неизбежного наследия Адама. Эта возмутительная теория привела в ужас церковные власти. Ведь если признать, что люди не испорчены с самого рождения, но способны достичь праведности и благодати благодаря собственным способностям и трудам, тогда к чему искупление Иисуса на кресте? Если человечеству нет нужды в Икупителе, то и в церкви тоже. Начетчики того времени не могли допустить таких подрывных идей. Возглавляемые Августином и Иеронимом, они не давали утихнуть дебатам, пока не добились осуждения пелагианства как ереси.

Еще при жизни Пелагия Римская империя, отзывая легионы из провинций в попытке защитить свое ядро от варваров, ушла из Британии. Страна оказалась предоставлена самой себе, беззащитна перед лицом вечно готовых к войне пиктов и скоттов, за которыми вскоре последовали англосаксы. При новых захватчиках мрачная пелена язычества вновь окутала бывшие романизированные поселения, хотя и не в более отдаленных северных и западных областях. Отброшенные новыми варварами, кельты отступили на окраины Британских островов, и там кельтское христианство уцелело. Из замечательного шотландского монастыря на севере той непроглядной эпохи выступает другая фигура – аббат Андамнан Ионский. Его связь с Палестиной возникла благодаря счастливой случайности: Андамнану выпало принимать у себя французского епископа Аркульфа, который, возвращаясь на корабле из девятимесячного паломничества в Святую землю, потерпел крушение у каменистого берега Шотландии приблизительно в 690 г. Шторм подарил Британии ее первую в бесконечной череде книгу путевых заметок о Палестине.

Без сомнения, предложив своему гостю согреться дымящейся шотландской овсянкой, столь презираемой Иеронимом, Андамнан, человек «исключительного знания Святого Писания», наверное, увлеченно слушал рассказ Аркульфа о святых местах. Можно только вообразить себе две фигуры в монашеских клобуках посреди голого монастырского зала, пронизываемого морским ветром и каледонским туманом: путник рассказывает о далеких местах, о священных усыпальницах и реликвиях, а слушатель подстегивает его множеством вопросов. Андамнан записал этот рассказ на латыни, языке, общем для них обоих, и законченную книгу, озаглавленную «*De Locis Sanctis*»¹², преподнес королю Нортумбрии. Затем она попала в руки другого его великого современника, также нортумберлендца, Беда Достопочтенного, чьими усилиями ее ждало много более широкое хождение, чем позволяло предположить ее скромное происхождение. Беда сократил и переписал «О святых местах», включив ее – полностью воздав должное Аркульфу и Андамнану – в свод собственных исторических и церковных трудов и тем самым гарантировав сохранность книги. На протяжении Средних веков более сотни списков были сделаны со сжатой версии Беда и еще десяток с оригинала Андамнана. Число копий, дошедших до наших дней с эпохи мучительного рукописного копирования и редкости пергамента, доказывают, что книга являлась бестселлером своего времени.

Задав канву, от которой никогда не отходят далеко бесчисленные последователи, Аркульф посещает и описывает каждое значительное место из жизни Иисуса: Вифлеем, Назарет, Капернаум, Галилею, Иордан и каждую улицу, часовню и камень в Иерусалиме, каждую церковь, монастырь и странноприимный дом, возникший уже в христианскую эпоху. Он записывает поверье, согласно которому Иерусалим расположен в центре мироздания, что доказывает, по его словам, «возвышенная колонна посреди города, которая в середине дня в летнее солнцестояние не отбрасывает тени». Он пьет воду из колодца Иакова и ест акрид, которые, сваренные в масле, «весьма невкусная пища». Он видит последний отпечаток ноги Спасителя, сохраненный под Елеонской горой, которая «чудесным образом остается прежней, хотя землю с нее денно уносят с собой верующие». Он высчитывает точные размеры Гроба Господня, исходя из ширины своей ладони. Цвет мрамора, двенадцать светильников двенадцати апостолов, ниша, укрывшая чашу, губку и копье, использованные при распятии, – все до последней детали архитектуры и убранства каждого здания, все запомнено путником и записано жадным писцом.

Он отмечает особенности местности, указывая, сколь богаты и плодородны долины вдали от побережья в Цезарее, или что у Иерихона река Иордан «так широка, что человек может бросить камень из пращи».

¹² «О святых местах» (лат.).

Не обойдены вниманием и места событий Ветхого Завета, главным образом те, которые наиболее доступны в самом Иерусалиме или его окрестностях и которые позднее будут включаться в каждый более поздний путеводитель: гробницы патриархов в Хевроне, стены Иерихона, камни двенадцати колен в Гилгале. Включены даже диковинные легенды о Мертвом море и рассказ о купании в его содержащих металлы водах, дабы проверить, действительно ли в нем не тонешь. Из повествования неясно, побывал ли сам Аркульф на Мертвом море, но Андамнан добавляет от себя самые разнообразные фантазии о нем. Например, рядом с ужасающим местом, где некогда стояли Содом и Гоморра, растут прекрасные яблони, плоды которых «возбуждают у видящих их желание их отведать, но будучи сорваны, взрываются и распадаются в пыль и источают дым, точно все еще горят».

Для удобства будущих паломников в повествовании описываются оба пути в Святую землю по суше: южный маршрут через Египет и Синай, которым обычно шли путники до мусульманского завоевания, и северный – через Константинополь и Дамаск, а также прямой путь морем через Сицилию и Кипр в Яффу, который стал наиболее популярным на пике паломничества в поздние Средние века. Аркульф как будто приехал и отбыл через Константинополь, тогда еще, разумеется, христианскую столицу, но сделал крюк по морю в Египет, что подразумевало сорокадневное плавание из Яффы в Александрию. Хотя Аркульф об этом не упоминает, в то время существовал своего рода «Суэцкий канал», о чем нам известно из латинского труда по географии того времени, написанного британским ученым Дикуилом⁷. В этом труде содержится пересказ беседы с английским монахом Фиделием, который действительно проплыл по каналу из Нила в Красное море во время своего паломничества в Святую землю в первой половине VIII в. В 767 г. канал был перекрыт халифом аль-Мансуром.

Уцелели и другие рассказы очевидцев, привозимые паломниками с континента, но благодаря случайному кораблекрушению и преданному труду шотландского аббата история Аркульфа принадлежит Британии. Выпущенная в свет Бедой Достопочтенным, эта книга внесла свой вклад в страсть к паломничествам, которая вскоре охватила англосаксов. Первым паломником, оставившим рассказ о своих путешествиях, был Вилибальд Уэссекский, сын некоего Ричарда, носившего титул короля, хотя королем чего именно он был, историки так и не сумели точно установить. Неизвестно, читал ли Вилибальд «О святых местах», но это представляется вполне вероятным, поскольку это был крайне благочестивый молодой человек, еще в детстве предназначенный для служения церкви. В годы после своего затянувшегося паломничества Вилибальд стал известным епископом, который продолжил среди тевтонов проповедническую деятельность своего дяди, святого Бонифация.

Сохранилось два рассказа о его жизни и путешествиях, один анонимный, а другой – пера монахини, его родственницы, которая записала его воспоминания в последующие годы.

Уже в старости он описан как «совершенный в милосердии и мягкости», однако «внешность у него была величественная и ужасная для тех, кто ему перечил». В юности он, вероятно, производил такое же впечатление на не столь возвышенные души, поскольку в возрасте восемнадцати лет сумел уговорить отца, брата и сестру вопреки их желанию предпринять с ним дальнейшее путешествие в Иерусалим (невольно напрашивается вопрос, как сопротивлялась этой идее его мать, но об этом хроника умалчивает). Когда он взялся убеждать отца стать паломником и «отречься от мира», король отказался по вполне естественной причине, дескать, было бы «противно всему человеческому» оставить жену вдовой, детей – сиротами, а дом в запустении. Но настойчивый Вилибальд утверждал, что любовь к Христу должна быть превыше всех естественных привязанностей, и отец, «наконец убежденный беседой с говорящим истину сыном», согласился поехать. Решение стало для него роковым, поскольку король умер в пути еще до того, как паломники достигли Рима, и был похоронен в Лукке в Тоскане. В Риме заболел брат, но Вилибальд, оставив недужного на попечении сестры, в 721 г. продолжил свой путь в Палестину.

В любой данный период градус религиозных страстей в самой Англии можно определить по реакции путника, когда он впервые видит Иерусалим. В пылкие Средние века одни плакали, другие молились, третьи падали на колени и целовали землю. Марджери Кемп, фанатичку XV в., так переполнили чувства, что «она была готова упасть на заднее место», но спутники вложили ей в рот пряности, чтобы ее оживить. И действительно, в каждом месте, памятном тем или иным эпизодом из жизни Христа, эта паломница так склонна была «плакать и рыдать», что «ее товарищи не желали пребывать в ее обществе»⁸. Позднее, после Реформации, любящие приключения елизаветинцы, ученые и купцы XVII столетия и хладнокровные скептики века XVIII могли даже не заметить поворота дороги, с которого открывается вид на Иерусалим. Викторианцы вернулись к средневековой пылкости и были склонны к слезам, благоговению и возвышенным мыслям.

Возможно, Вилибальд задал тон средневековым английским путешественникам, поскольку не нашлось ни одного, на кого увиденное не произвело бы большее впечатление. «Было ли место, видевшее чудеса Господни, – говорится в его хронике, – на котором Вилибальд, человек Божий, не запечатлел свои поцелуи? Был ли алтарь, не вызвавший его слез и вздохов?»

Чувства его были столь пылки, что за несколько лет, проведенных в Святой земле, он четыре раза побывал в Иерусалиме. В промежутках он посетил все обычные места, представляющие интерес для верующих, и одно необычное – церковь на горе Табор, посвященную разом Иисусу, Моисею и Илии. Он без удовольствия выпил кислого овечьего молока, заметил про удивительных местных овец, дескать «все одного цвета» (были ли английские овцы в VIII в. пестрыми или двухцветными?), а однажды на равнине, поросшей оливковыми деревьями, повстречал льва, который ужасно рычал, но когда к нему приблизились, «поспешил в другую сторону».

Иногда он странствовал один, иногда в обществе семи не названных по именам соотечественников. Однажды всех восьмерых арестовали и заключили в тюрьму сарацины. «Тогда горожане приходили на них посмотреть, так как были они молоды и красивы и одеты в добрые одежды». Когда их привели к королю сарацин, он спросил, откуда они пришли, и получил в ответ: «Сии люди пришли из западной страны, где никогда не садится солнце, и мы не знаем земли дальше их, но только воду». По всей очевидности, не сочтя такое происхождение преступлением, король ответил: «Тогда зачем нам их наказывать? Они не согрешили против нас. Отпустите их и дозвоьте им уйти».

Для каждого путешествия за пределы определенного для паломников маршрута требовался пропуск от халифа, получить который было не просто, поскольку в одном случае Вилибальду и его товарищам не удалось найти суверена, «так как он бежал из своего королевства». Это был тот самый эмир аль-Муменин, который ранее выпустил англичан из тюрьмы. Возможно, он был слишком терпим к неверным, и это пришлось не по нраву его поданным.

Вилибальд посетил Тир и Сидон, Антиохию и Дамаск, Константинополь и Никею, прежде чем, наконец, отплыть на Сицилию и в Италию, где некоторое время провел в Монте-Кассино – всего через десять лет после отъезда из дому.

После Вилибальда надолго воцарилось молчание, поскольку эпоха не способствовала сохранности манускриптов. На протяжении IX и X веков, когда мусульманская цивилизация достигла расцвета в искусстве сохранять как мир, так и свою власть в этом мире, Европа погрузилась в самый темный период Темных веков. Бал правили варварство, жестокость, упадок нравственности и культурная апатия. Ни света, ни вдохновения не исходило из Рима, где церковь оказалась в руках лиц, описанных великим историком папства Цезарем Баронием как «чудовищные люди, развращенные в жизни, лишённые нравственности, бесконечно распущенные». Люди меча, не сдерживаемые ни устоявшимся законом, ни сильными правителями, подвергали опасности жизнь всех и каждого. В Англии разорители-даны жгли и убивали везде,

где бы ни появлялись. И только король Альфред на юго-западе острова оказывал им доблестное сопротивление. Видя разорение повсюду, люди отвращались от мирского и в отчаянных поисках безопасности десятками уходили в монастыри или отправлялись искать порога небес в Святую землю. Западную Европу эпидемией охватила религиозная истерия, в результате которой считалось, что 1000 год принесет с собой конец света. Спеша к месту искупления человека до того, как настанет мгновение Страшного суда, «орды» (по выражению некоторых хронистов) спешили в Святую землю, и многие оттуда так и не вернулись. Одни умерли от голода, другие – от болезней, третьи – от рук мародеров-арабов, четвертые погибли на море в результате бурь, кораблекрушений или нападений пиратов. Только удачливые или хорошо обеспеченные возвращались живыми.

Крайне образный и красочный рассказ о массовом паломничестве, имевшем место предположительно в 1064 г., включил в свой труд в остальном обстоятельный историк Флорентий Вустерский, чья хроника была написана в последней четверти XI в., вскоре после того, как случилось данное событие⁹. Он рассказывает, как 7000 человек отправились сопровождать архиепископа Майнцкого и епископов Утрехтского, Бамбергского и Ратисбонского в паломничество в Иерусалим. В пути на них напали сарацины, которые в поисках золота, якобы проглоченного христианами из страха быть захваченными, распяли тех, кого смогли изловить, на земле и вспороли от горла до брюха. Из семи тысяч спастись сумели только две. Хотя в этом злополучном паломничестве англичане как будто не участвовали, рассказ о нем все равно включили в хронику английской истории, и, вероятно, оно было типично для историй о зверствах мусульман, которые ходили в то время, что помогло разжечь лихорадку Первого крестового похода.

Начиная с XI в., коронованные особы и влиятельные епископы, толстые аббаты и ошлемленные бароны присоединялись к простому люду на дорогах в Иерусалим. Олав Трюггвасон, первый христианский король Норвегии, совершил паломничество в 1003 г., герцог Роберт Нормандский, отец Вильгельма Завоевателя, последовал за ним в 1035 г., Элдред, архиепископ Йоркский, который позднее коронует Вильгельма Завоевателя, поехал в 1058 г. с «такой пышностью, какой никто до него не выказывал»¹⁰.

В то же десятилетие эрл Свен, бесчестный старший брат Гарольда, короля Англии, отправился в Иерусалим в искупление своих многочисленных грехов и умер по пути домой в Константинополе приблизительно в 1055 г. Его карьера представляется необычайно бессовестной даже по меркам XI столетия¹¹. Начал он с соблазнения Эдвиги, аббатисы Леоминстера, которую приказал «привезти к себе и держал ее, сколько ему было угодно, после чего отпустил восвояси». Не столько сам акт соблазнения, сколько то, что его жертвой пала невеста Христова, шокировал его соотечественников, которые объявили Свена вне закона. Он укрылся в Дании, но, по всей видимости, нисколько не изменился, так как неким новым преступлением «погубил себя у данов». Когда ему позволили вернуться на родину, чтобы молить об отмене приговора, он немедленно убил своего кузена, эрла Бреона, который получил часть земель Свена и которого Свен уговорил встретиться с ним на условиях перемирия. И опять же новое наказание было вызвано не столько убийством, сколько нарушением перемирия. Хотя он был старшим сыном эрла Годвина, регента королевства, его объявили «нифингом», то есть человеком без чести, поставив в самое низкое положение для мужчины, известное в саксонском обществе. И вновь он нашел убежище на континенте, но в следующем, 1050 году был привезен домой и получил прощение. Ему даже вернули титул – весьма опрометчивый поступок, учитывая его репутацию, хотя, возможно, мотивированный какой-то фазой в путаных соперничествах саксонских вождей, разлад между которыми скоро расчистит путь Вильгельму Завоевателю.

Далее история повторялась с монотонной регулярностью. В 1051 г. Свен вновь был объявлен вне закона за какой-то проступок, о котором хронист не упоминает. На сей раз, по всей

очевидности, с семьи было довольно, и то ли чтобы на долгое время выдворить его из страны, то ли чтобы дать ему возможность в последний раз заслужить прощение, его каким-то образом убедили отправиться в 1053 г. в Иерусалим.

Сам по себе эрл Свен не стоил бы особого упоминания, не будь он первым отмеченным в хрониках паломником того типа, который чересчур часто будет встречаться в период Крестовых походов. Свен – преступник, вступивший в ряды паломников, чтобы избежать тюремного заключения или казни, как много позднее преступники будут вступать в Иностраннный легион. Получив при отправлении в путь благословение церкви и крест, который следовало носить на плащ, паломник путешествовал под защитой церкви, в результате чего оказывался недостижим для светских властей – в точности так же, как беглец, попросивший убежища в церкви, был недоступен для всех преследователей. Более того, у церкви имелась прямо-таки таблица индульгенций, получить которые можно было за счет паломничества к святым местам. Согласно одному подсчету, в одном только Иерусалиме имелось 96 святых мест и еще 33 в Храме Гроба Господня, не говоря уже о многих сотнях в Вифлееме, Назарете, Галилее и других местностях. Два других излюбленных места паломничества – Рим и Сантьяго-де-Компостелла – ничего подобного предложить не могли. Прибавляя частичные индульгенции, даруемые в каждом из ряда святых мест (пять дней за посещение одного, сорок за посещение другого), паломник мог скостить ожидаемое пребывание в чистилище до самой малости, возможно, вообще избавиться от него. Или, если это был человек высокого положения, или явился с важным рекомендательным письмом, или сделал богатые пожертвования монашеским орденам, которые заправляли святыми местами, он мог обеспечить себе даже общее помилование, отменяющее всяческое наказание. Паломникам выдавались свидетельства, где приводился перечень мест, которые они посетили, и ритуалов, которые они там совершили. Уплатив некую сумму, они могли даже быть посвящены в рыцари Гроба Господня. Путешествие в Святую землю явно служило удобной лазейкой для человека, которому дома стало слишком жарко. Он не только мог на долгий срок найти убежище от закона и своих врагов, но и одновременно отбыть срок наказания, который иначе пришлось бы отбывать либо в этой, либо в загробной жизни. Такая система оказалась столь привлекательной для преступников, что множество головорезов и неудачников примешивались к благочестивым, искателям приключений или просто любопытным среди орд паломников.

Вскоре после паломничества сакса Свена власть в Англии перешла в 1066 г. в руки нормандских завоевателей, а пять лет спустя, в 1071 г. власть в Палестине перешла от Багдадского халифата к более новой ветви ислама, туркам-сельджукам. Сельджукское завоевание спровоцировало Первый крестовый поход; нормандское завоевание привело к участию Англии в том, что было по большей части континентальным проектом. На протяжении последовавших затем двух столетий Крестовых походов поток путников между Англией и Палестиной, разумеется, не иссякал, но путевых заметок англичан той поры сохранилось очень мало. Среди уцелевших – дневник Сивульфа, состоятельного купца, склонного к приступам благочестия между периодами потакания мирским соблазнам. Одним из первых он отправился в 1102 г. в паломничество в Иерусалим. Всего три года прошло с тех пор, как Иерусалим был взят войсками Первого крестового похода, и Латино-Иерусалимское королевство, которое они тут создали, переживало расцвет своего могущества. Впервые за пятьсот лет святые места находились в руках христиан. Открывались новые возможности торговли и коммерции. Честолюбивые аристократы мечтали о новых фьефах, которые можно отвоевать у неверных при помощи меча и горстки рыцарей. Сивульф отмечает, как толпы путников, стремящихся в Палестину, будь то благородные или бедные, лица духовные или миряне, истинные паломники или искатели приключений, «отправляются с отрядами отчаянных мародеров... грабя и опустошая все на своем пути».

По прибытии Сивульф едва избежал смерти в ужасном шторме, который выбросил на берег его корабль всего через несколько часов после того, как он сошел в Яффе. Он оставил

пугающий рассказ о налетающих друг на друга, трещащих и разламывающихся кораблях в гавани, о воплях утопающих, о реве ветра, об ужасном зрелище того, как падающая мачта снесла человеку голову, и том, как наутро в воде плавали обломки двадцати трех судов, а берег был усеян тысячами трупов.

Далее следует описание полного опасностей пути к Иерусалиму через холмы, где поджидают в засаде в сарадины, чтобы наброситься на неосторожных путников, и где вдоль дорог валяется множество не похороненных трупов, «ведь на скалистой почве так мало земли, чтобы вырыть могилу». Это наводит на мысль о том, что Палестина уже начала страдать от эрозии почвы, привратившись при арабах из страны молока и меда в каменистое пастбище для коз.

Сивульф провел восемь месяцев в Иерусалиме и упоминаемых в Библии окрестных городках, начиная с Хеврона на юге, где осел и был похоронен Авраам, и до Иерихона, Назарета, Тиверии и Капернаума на севере. Как это было типично для многих средневековых путевых заметок, повествование Сивульфа незаметно переходит от того, что он видел лично, к слухам и фольклорным легендам, которые он слышал от местных проводников на каждой стоянке. Вычленив в его повествовании крупницы фактов непросто, но он ценен не столько тем, что рассказывает о Палестине, сколько тем, что приоткрывает дверь в сознание среднего туриста XII столетия. Знание истории и географии было тогда не самой сильной стороной. Мечеть Омара, которая была превращена в христианскую церковь и в тот период находилась на попечении католических монахов, Сивульф называет Храмом Соломона и наделяет целиком и полностью вымышленной историей, согласно которой церковь была восстановлена Адрианом или Ираклием, «а иные говорят, что Юстинианом» (Сивульф не слишком разборчив), и лишь походя упоминает о том, как и когда с этим местом оказался связан Магомет.

Сходным образом его описание вражеского флота, который он видел по пути домой, показывает, как происходящая у него на глазах история интерпретировалась с точки зрения истории древней, почерпнутой из Библии. «Внезапно показались двадцать шесть сарацинских кораблей, – пишет он. – [Это были] силы адмирала Тирского и Сидонского, которые везли армию в Вавилонию, чтобы помочь халдеям в войне против короля Иерусалимского». Можно подумать, Сивульф каким-то образом перенесся в VI в. до н. э., когда халдейские цари Древнего Вавилона воевали с Иерусалимом и пленили израильтян. Но, разумеется, король Иерусалимский, о котором писал Сивульф, это – король Латино-Иерусалимского королевства Балдуин I, а «Вавилония» – не древний город на берегу Евфрата, а Каир, называемый в то время Вавилоном. Сивульф прекрасно знал, где он находится, но населил его «халдеями», путая с городом из Библии, поскольку для него враги Иерусалима – те же самые, что пришли из другого Вавилона напасть на Иерусалим полторы тысячи лет назад. Сходным образом христиан под властью короля Балдуина Иерусалимского он идентифицирует с древними хозяевами города, народом Израиль.

Во время Третьего крестового похода Ричард Львиное Сердце призывал свои войска «восстановить королевство Израиль». Эта самоидентификация с древними, но никак не современными крестоносцами евреями воспринималась как само собой разумеющееся христианскими правителями, которые, видя себя наследниками Христа, считали, что они полноправные наследники Святой земли и что их долг, говоря словами МанDEVИЛЛЯ, «завоевать наше законное наследство».

Вера в то, что Иерусалим является географическим центром земли, как послушно повторяет Сивульф, была еще одной, основанной на Библии, концепцией его эпохи¹².

«Так говорит Господь Бог: это Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него – земли». Ко времени Сивульфа этот пассаж из Книги Иезекииля (5:5) и ему подобные наводнили переложения трудов античных географов, не страдавших от подобных недоразумений. Средневековые карты представляли совершенно новую визуализацию известного мира, в точной середине которого помещался Иерусалим. Со всех сторон землю окружал океан, а за

его границами внешний край украшали странные животные, морские чудовища и восточные узоры, символизируя варварские страны, о которых географам известно было лишь, что они существуют.

В том же году, когда Сивульф побывал в Палестине, туда прибыл еще один паломник, которому предстояло стать святым. Годрик был одновременно пиратом, судовладельцем и купцом и два путешествия в Иерусалим предпринял не ради спасения, а скорее ради приключений и добычи; впрочем, его путешествия под воздействием легенд, разросшихся вокруг его имени, вошли в историю как паломничества. Годрик скорее всего поплыл на собственном корабле, так как, хотя он не оставил личных свидетельств, один его современник-хронист сообщает, что «Gudericus, pirate de regno Anglicaе»¹³ провез короля Балдуина в Иерусалим морем вдоль побережья от Арсуфа до Яффы, когда после поражения на равнине Рамлех сухопутный путь в Яффу оказался перекрыт.

В 1106 г. он предпринял второе путешествие в Святую землю, на сей раз пешком и вернулся в Англию, чтобы стать почитаемым отшельником, героем многих чудесных событий. Впоследствии легенда о его паломничествах разрасталась год от года, приукрашиваясь множеством трогательных подробностей. Говорили, что он дал обет никогда не менять обуви или одежды или не есть ничего, помимо ячменного хлеба и воды, пока не достигнет Палестины. А там он совершил омовение в Иордане и вышел из него очищенным, но выбросил обувь, поклявшись отныне ходить босым, дабы уподобиться Иисусу, хотя, возможно, свою роль в таком решении сыграло состояние этой самой обуви¹³.

До Реформации паломническое движение было постоянной составляющей жизни Средних веков, а паломник – привычной фигурой для всех людей того времени. Паломник увековечен в двух фигурах в голубых одеждах в витраже часовни в Ладлоу¹⁴. В литературе метафора паломничества в Иерусалим обычно служила для обозначения долгих или тяжелых скитаний. Довольно часто встречаются перечисления атрибутов, по которым узнавали бредущего паломника. Главным среди них была створчатая раковина, – возможно, это произошло из обычая зачерпывать ее половинкой воду из ручья. Раковина служила символом не паломничества вообще, а главным образом паломничества в Сантьяго-де-Компостелла, поскольку являлась атрибутом святого Иакова; символом паломничества в Рим выступала оливковая ветвь – символ мученичества Петра и Павла, и пальмовая ветвь – символ паломничества в Иерусалим. Посох придавал твердости его шагам и в случае необходимости мог выступать оружием. В наплечной кожаной суме несли толику провизии и одежды, равно как и кости святых или пыль с Крестного пути, или щепы Истинного Креста, купленные на сувениры. В закрепленной на поясе фляге плескалась вода из Иордана. Иногда паломник нес с собой пучок засохших пальмовых листьев или коллекцию медальонов, пришитых к тулье шляпы – по одному на каждую часовню, которую посетил. Таковы были «знаки Синая» у Паломника в поэме Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (ок. 1362), который похвалялся, что посетил не только Синай, но и Иерусалим, Вифлеем, Вавилон, Александрию и Дамаск¹⁵. И действительно, странствия паломника превращали его в знаменитость Средневековья, своего рода иностранного корреспондента с рассказами о дальних землях и странных народах. Хотя он приобрел репутацию закоренелого лжеца, люди всегда собирались жадно слушать его рассказы о Святом городе, о греховности и роскоши язычников-сарацин, о прославленных чудесах Византии, о диких зверях, об обманутых разбойниками и пиратах и о великих личностях, встреченных по пути.

Таков был, например, персонаж пьесы Джона Хейвуда «Четыре П», у которого ложь вошла в «привычку» и который зачаровывает своих собратьев, трех «П», – Продавца индულъ-

¹³ «Гудерик, пират из королевства Английского» (лат.).

генций, Политика и Пропойцу – рассказом о том, как босиком обошел святыя места, о том «сколько соли вышло из меня с потом, пока я туда попал»¹⁶.

Подобно странствующему сказителю и жонглеру, паломник зарабатывал на пропитание байками и сказками, поскольку был профессиональным бродягой от часовни к часовне, зависящим от бесплатной кормежки и ночлега, какие по обычаю предоставлялись подобным странникам.

Существовала и другая разновидность паломников: люди оседлые, которые отправлялись в конкретное путешествие по конкретной причине на собственные средства. Иногда это делалось, чтобы исполнить обет, искупить грех или выполнить миссию, как это было с сэром Джеймсом Дугласом, который повез в золотом ковчеге сердце Роберта Брюса, чтобы похоронить его в Иерусалиме, – с тех пор род Дугласов имел на гербе сердце¹⁷. Иногда в паломничество отправлялись, чтобы избежать неприятной ситуации, как это было с одним аббатом из Рэмси, который в 1020 г. был изгнан из своего монастыря, когда монахи взбунтовались против введенного им чересчур строго соблюдения правил аскезы, и который в гневе уехал в Иерусалим¹⁸. Но чаще всего многие поколения англичан влекли в Палестину не благочестие или грех, а попросту страсть к странствиям – англичан в ту эпоху считали великими путешественниками, а за любовь к перемещению – пребывающими под воздействием луны. В «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера энергичное воплощение средневековой женщины, Батская ткачиха, мимоходом бросает – мол, трижды бывала в Иерусалиме, хотя напрашивается вопрос, где она нашла время между своими пятью «путешествиями» к алтарю.

Иногда паломник мог заслужить отпущение грехов другим, которые оставались дома, если они вносили денежные средства на его путешествие. В лондонских гильдиях XVI в. существовала практика освобождать члена гильдии от взносов, если он отправлялся в паломничество, а сумма взносов тогда распределялась среди оставшихся, чтобы и они тоже могли получить свою долю спасения, которое он заслужит. Кроме того, со всех членов гильдии собирали по пенни для паломника в Иерусалим (и только полпенни, если он направлялся в Рим или Сантьяго-де-Компостелла), и они провожали его до городских ворот, когда он, наконец, отправлялся в путь¹⁹.

XIV столетием датируется самая популярная книга путевых заметок о Палестине, «Книга сэра Джона МанDEVИЛЛЯ», рыцаря, который, как он сам сообщает читателю, «родился в Англии, в городе Сент-Олбансе». Неослабевающие изыскания современных ученых показали, что автор не был ни рыцарем, ни англичанином, и что звали его не Мандвилль, а его произведение – набор заимствований из произведений более ранних географов, путешественников и первооткрывателей, начиная от Геродота и заканчивая Марко Поло. Однако ни одна другая книга не была так широко читаема в то время в Англии или на континенте. Изначально написанная на латыни и переведенная самим автором (если ему можно верить) на французский и английский языки, книга привлекала такой интерес, что появились переводы на итальянский, испанский, голландский, чешский, немецкий, датский и ирландский языки, и в конечном итоге до нас дошло более трех сотен ее экземпляров. Как только было изобретено книгопечатание, «Мандевилль» стал одной из первых печатных книг: немецкое издание увидело свет в 1475 г., а английское – в 1503 г. Свой вклад в долговременную популярность этой книги внесло знакомство с Палестиной.

Недостаток в честности Мандевилль восполняет пылом по отношению к своей теме, неисчерпаемым запасом информации, будь то фактической или вымышленной, и восторгом, с каким он делится ею со своими читателями. Палестина, без обиняков пишет он, была избрана Господом «лучшей и достойнейшей землей и самой добродетельной из всех стран на свете, ибо она есть сердце и середина всего мира». Въезжает он в нее через Египет, где ненадолго задерживается, чтобы осмотреть пирамиды, которые называет «зернохранилищами Иосифа»,

которые тот велел построить, чтобы хранить зерно на неурожайные годы. Он без предрассудков добавляет, дескать, «некоторые говорят, будто они усыпальницы великих правителей бывших времен, но это неправда». Через двенадцать дней пути он оказывается у горы Синай и тут пересказывает историю скитаний Моисея и сынов Израиля в пустыне, включая переход через Красное море, «которое не краснее других морей, но в некоторых местах галька красная, а потому оно зовется Красным морем». Повествование щедро сдобрено описанием всевозможных чудес и красот природы, как, например, ежегодное паломничество «воронов, ворон и прочих пернатых той земли» к монастырю Святой Екатерины у подножия горы Синай, когда «каждая птица приносит в клюве ветвь лавровую или оливковую и там оставляет».

От горы Синай тринадцатидневный переход приводит путника через пустыню в Газу, город Самсона и Вирсавии, основанный, по словам Мандевилля, Вирсавией, «женой сэра Урии, рыцаря». Мертвое море, разумеется, беспримерно изобилует чудесами, как то: если бросить в него железо, оно не утонет, зато перо пойдет ко дну. В Хевроне, древнейшем городе Палестины, месте, где жили и были похоронены вместе с женами Авраам, Исаак и Иаков, месте, столь же священном для мусульманских сынов Исмаила, как и для евреев, Мандевилль сообщает о пророчестве, связанном с усохшим дубом: «Некий повелитель, князь западной части мира, завоеует Землю обетованную, коия есть Святая земля, при помощи христиан и велит отслужить мессу под сим умирающим деревом, а тогда дерево зазеленеет и даст плоды и листья. И через такое чудо многие евреи и сарацины обратятся в веру Христову». Эта странная уверенность, что евреев возможно обратить в христианство, будет часто возникать в последующих главах данной книги, особенно в описаниях серьезных, но ошибочных усилий евангелического движения. Но хотя пророчеству суждено было остаться тщетным, первая его половина несомненно свершилась, если считать «князем западной части мира» фельдмаршала Алленби.

С XV столетия наблюдаются заметные перемены в тоне путевых заметок о Палестине: теперь в них меньше сказочного, зато больше практической туристической информации. К тому времени паломничества стали организованными, и вернувшегося паломника, старающегося изумить своих слушателей чудесными рассказами, легче стало поймать на лжи, поскольку слишком многие уже побывали в этих краях до него. Из Венеции были организованы регулярные морские перевозки: по пять галер в год совершали плаванья в Яффу и обратно, обычно они отходили весной или в начале лета. Каждая из этих галер, находившихся в частном владении, хотя и под контролем Венецианской республики, могла перевезти до сотни паломников. Также паломников ради дополнительной прибыли перевозили торговые суда, отправлявшиеся в порты Ближнего Востока. Согласно одному анонимному источнику, корабли всегда были «набиты людьми», так что «сам воздух в них становится быстро отвратительным и из худшего преобразается в скверный»²⁰. Неудобства и теснота в морском путешествии, которое занимало от четырех до шести недель, вероятно, были значительными, поскольку английский путешественник Уильям Уэй советует будущим паломникам, что место на верхней палубе, невзирая на ветер и водяную пыль, все же предпочтительнее «удушливой жары и вони» в трюме.

Венецианские галеры обычно останавливались на Кипре и Родосе, где паломники могли осмотреть достопримечательности, и еще раз в Бейруте, откуда начинался путь в Дамаск. Далее паломники шли вдоль побережья в Яффу, откуда можно было попасть в Иерусалим и где сходили на берег паломники, зафрахтовавшие прямое плавание, и после трехнедельного тура с проводником возвращались в Венецию на том же корабле. О перевозке, для тех паломников, кто мог себе ее позволить, на мулах или на верблюдах, с наемными проводниками-арабами договаривался капитан галеры, который также играл роль своего рода турагента. Проводниками служили не только арабы, но и монахи-францисканцы, ставшие после 1230 г. единственными попечителями святых мест и излагавшие по мере прибытия своих «групп» на место истории и традиции, связанные с каждым городом, памятником или местом библейских событий.

Более амбициозные путешественники начинали свой тур в Египте, отплыв из Венеции в Александрию, откуда, следуя по пути Исхода, пересекали Синайскую пустыню и вступали в Палестину с юга. Томас Суинберн, английский мэр Бордо и важная фигура при дворе короля Ричарда II, возглавил группу паломников, прошедших в 1392–1393 гг. этим маршрутом, пересекавших всю Палестину и отбывших через Дамаск и Бейрут на севере. Заметки, которые вел в пути его оруженосец Томас Бригг, пестрят сведениями о стоимости путешествия, транспорте, проводниках, пошлинах, налогах, пище и крове. По всей видимости, он был слишком занят ведением счетов, чтобы писать о том, что видел. В том же году честолюбивый молодой кузен короля Ричарда II Генрих Болингброк, которому тогда было двадцать пять лет, прибыл в паломничество в Иерусалим с одним-единственным ослом, на котором вез провизию²¹. Много лет спустя, после того как сверг короля Ричарда и стал править под именем Генриха IV, умирающий король, вспомнив пророчество о том, что его жизнь закончится в Иерусалиме, велел перенести себя в Иерусалимскую залу Вестминстерского дворца, где и скончался.

Наиболее полный отчет о среднем паломничестве XV в. содержится в манускрипте Уильяма Уэя, который побывал в Иерусалиме дважды – в 1458 и 1462 гг., и взялся написать полезный путеводитель, поднимающийся до высот бедкеровских изданий. Прозой и рифмованными строфами, на английском языке и на латыни Уэй снабжает будущего посетителя Иерусалима всеми сведениями, какие ему могут понадобиться. Он приводит курсы валют относительно нобля или дуката вдоль маршрута, по которому проследовал через Кале, Брабант, Кельн, Ломбардию, Венецию, Родос и Кипр в Яффу, чтобы читатели поняли «различия денег между Англией в Суррее и Святой землей». Он советует, какой именно контракт следует заключить с капитаном венецианского корабля, чтобы в него были включены вода и провиант. Он советует, о какой именно дополнительной провизии и предметах обихода следует позаботиться самому, включая «слабительные и укрепляющие» средства, а также кухонные и постельные принадлежности. Он указывает, где именно в Венеции можно купить набитый пером матрас, две подушки, пару простыней и одеяло и как после продать все это за полцены в Палестине. Он предостерегает путников брать с собой только свежие еду и воду и только «доброе вино» и бдительно присматривать за всеми своими пожитками, ибо «сарацины будут говорить и смеяться с тобой, но украдут у тебя то, что у тебя есть, и то, что возможно».

Уэю, назначенному одним первых профессоров колледжа в Итоне при его основании в 1440 г., потребовалось специальное разрешение короля Генриха IV на путешествие, для того чтобы по возвращении вернуть себе прежнюю должность. «Любовно взвесим его благословенное намерение, – писал король, – мы дозволяем нашему возлюбленному клерку, мастеру Уильяму Уэю, пересечь море для паломничества в Рим, Иерусалим и другие святые места». Возможно, Уэй был отправлен в такое паломничество как раз для того, чтобы написать путеводитель, ведь к этому он приложил немало усилий. Он приводит таблицы расстояний, словарь полезных слов и фраз в переводе на греческий, бывший в то время разговорным языком Леванта, список индульгенций, которые можно получить в различных часовнях, перечень всех святых мест, какие можно посетить за тринадцатидневный тур по Иерусалиму и его окрестностям (10 между Яффой и Иерусалимом, 22 в самом Иерусалиме, 13 в Храме Гроба Господня, 7 в Вифлееме, 8 на берегах Иордана и так далее, – всего 110) и несколько замечаний о правителях страны, законах и распоряжениях, касающихся путешественников-христиан. Он даже приводит десять причин, почему вообще стоит совершить паломничество, включая призыв святого Иеронима, отпущение грехов и возможность приобрести реликвии. Тщание Уэя в том, что касается дат прибытия и отъезда, дает нам точную картину времени, какое требовалось для такого путешествия в конце Средних веков. В первую свою поездку он провел в Палестине менее трех недель и менее двух во вторую, но оба раза отсутствовал в целом по девять месяцев. Путь из Англии в Венецию во второй раз занял почти два месяца, поскольку пришлось сделать крюк из-за разразившейся войны в Германии, обычно же на него уходило от четырех

до шести недель. Месяц приходилось дожидаться в Венеции корабля, и само плавание заняло у него месяц в первый раз и почти семь недель во второй. Сравнив это с путевыми заметками паломничества, совершенного в последнее десятилетие X в. архиепископом Кентерберийским Сигериком²², можно увидеть, сколь мало изменилось за пять столетий. Архиепископу понадобилось почти три месяца, чтобы вернуться из Рима в Англию (часть этого пути описана в путевых заметках), но его задержала дождливая погода. Его повествование показывает, что расстояние, которое можно было покрыть за день пешком или в седле, варьировалось от 5 до 25 миль в зависимости от погоды, пищи и имеющихся странноприимных домов по пути. В удачный день средним было 15 или 20 миль за четыре или пять часов.

К тому времени, когда Уэй составил свой подробный путеводитель, эпоха паломничеств клонилась к закату. Близился конец Средних веков. Палестина, которой со смерти Саладина в 1193 г. правили мамлюки Египта, воевавшие с крестоносцами, татарами, монголами и множеством прочих варварских орд, которые на протяжении трех веков заливали эту землю кровью, теперь столкнулась с новым завоевателем. В 1453 г. турки-османы захватили Константинополь, и эхо этого события разнеслось по всему миру. Затем настал черед Сирии, и к 1517 г. они разгромили мамлюков, включили Египетский халифат в состав Османской империи и стали хозяевами Иерусалима и Палестины. Всего через несколько лет Англию постигла равно важнейшая трансформация, когда она отложила от католического Рима¹⁴.

Два путешествия в самом начале XVI в. рисуют нам картину того, какие условия сложились в конце эпохи паломничеств. Сэр Ричард Гилдфорд, член Тайного совета первого короля династии Тюдоров Генриха VII, выехал из Англии со своим спутником Джоном Уитби, приором Гисборо, в апреле 1506 г. и прибыл в Яффу в августе того же года. Согласно повествованию о злополучном паломничестве Гилдфорда, записанном сопровождавшим его капелланом, паломников сперва держали семь дней на корабле у побережья Яффы. Затем они были «приняты мамлюками и сарацинами и помещены почтай что в старый каземат, а после писцы записали наши имена, когда мы по одному представляли перед означенными господами, а после мы весь день пятницы лежали в оном гроте или каземате на голой вонючей земле, а после ночь и еще день, так дурно с нами обошлись мавры». После этих тягот «мой господин и господин приор Гинсбро были очень больны» и, не способные идти пешком в Иерусалим, были вынуждены приобрести «верблюдов с великими трудностями и по непомерной цене». Группе удалось достичь Иерусалима, но там и сэр Ричард и приор умерли от болезни.

Несколько лет спустя паломничество совершил сэр Ричард Торкингтон, священник прихода Милбертона в Норфолке. Он тоже жаловался на дурное обращение со стороны мамлюков, которые нагнали на него и его спутников «большого страха, который слишком велик, чтобы его описать словами». В Яффе он обнаружил, что «ныне там нет ни единого дома, а только две башни и несколько пещер под землей», но Иерусалим все еще оставался «знатным городом, ибо он стоит на таком возвышении, куда подниматься должны все люди, откуда бы они ни шли», и откуда видно «всю Аравию». Он описывал, как вода в большом избытке поступает в город по трубам из Хеврона и Вифлеема, так что все цистерны заполнены «и много воды ныне расходуется впустую».

На обратном пути из Иерусалима Торкингтон примкнул ради безопасности к двум другим английским паломникам, Роберту Кроссу, жестянщику из Лондона, и сэру Томасу Топпу, «священнику из западного графства». Это едва ли не последние имена, которые можно отнести к религиозным паломничествам Средних веков, поскольку уже через несколько лет Англия приняла Реформацию, а реформаторы не одобряли и впоследствии сурово пресекали практику паломничеств из-за ее ассоциаций с покупкой индульгенций и поклонением святым и реликвиям. Типичной для нового настроения является точка зрения Эразма Роттердамского, который

¹⁴ В 1532 г.

в своих сатирических диалогах высмеивал тщеславие паломников, «с ног до головы обвешанных ракушками, отягощенных с обоих боков образками из олова и жести»²³. Ранний глашатай Реформации Джон Уиклиф с нескрываемым отвращением отзывался о паломничествах, и его высказывание имели немалый успех у властей, поскольку когда один из его сторонников был вынужден отречься от лоллардов, ему пришлось также принести клятву «отныне презирать паломничества»²⁴. Реформаторы учили, что путь в Иерусалим лежит через сердце человека. Таковым он и останется на долгое время, а физическая Палестина будет предоставлена купцам и дипломатам соперничающих держав.

Глава IV

Крестовые походы

Превратиться в «клоаку христианского мира и вобрать в себя все его распри» – вот что стало главным назначением Крестовых походов, как писал в своей «Истории священной войны» в 1639 г. преподобный Том Фуллер. Даже если сделать скидку на кальвинистскую пристрастность этого реформатора, афоризм Фуллера по-прежнему остается бесспорным. На заре Крестовых походов толчком к ним послужила жажда наживы, жажда славы и жажда мести неверным во имя веры. Упиваясь кровопролитием, беспощадные в своей жестокости, невежественные в том, что касалось географии, стратегии военных действий или снабжения войск, первые крестоносцы бросились на Восток, не имея плана военной кампании иного, чем напасть на Иерусалим и вырвать его у турок. Этого на некий безумный лад они достигли лишь потому, что в стане самого их врага царил разлад. Бич последовавшей затем розни сразил и их тоже: отсутствовала даже самая элементарная лояльность, которая могла быть продиктована чувством самосохранения. Протянувшийся на два последующих столетия, через самое сердце Средних веков, след их раздвоенных стягов был лишь чередой тщетных попыток повторить успехи Первого крестового.

Провалы как будто ничему их не учили. Подобно человеческим леммингам, каждое поколение крестоносцев бросалось по фатальным стопам своих отцов. Сама Палестина, поле битвы и трофей одновременно, превратилась во вторую родину, если не кладбище, для половины семей Европы. Святой Бернар Клервосский, проповедовавший Второй крестовый поход, похвалялся, что оставил в Европе не более одного мужчины для утешения каждой семи вдов¹. Но далекую страну таким знакомым делало не столько число тех, кто отправлялся туда в любой данный момент времени, сколько тот факт, что они раз за разом проходили по одному и тому же месту почти два столетия, поэтому зачастую два, три, а то и четыре поколения одной семьи воевали, оседали или погибали в Палестине.

В Англии каменные надгробные статуи четырех графов Оксфордских, каждая со скрещенными ногами в знак участия в крестовых походах, лежат в приходской церкви в Херефорде. Альберик де Вер, первый граф, по прозвищу Угрюмый, в кольчуге с головы до пят, укрытый тканевым саккосом, опираясь рукой на меч, а сапогами со шпорами – на льва, лежит в каменном бессмертии на саркофаге с датой 1194 г. Рядом с ним – второй граф де Вер, погибший в 1215 г., третий – погибший в 1221 г., и пятый – павший в 1295 г., и каждый изображен со скрещенными ногами крестоносца. Сходным образом в церкви Олдворта в Беркшире красуются пять надгробных статуй со скрещенными ногами – это выходцы из семьи Ла Беше. Подобные надгробия можно найти в каждом графстве Англии; одни статуи опираются ногами на кабана или оленя, другие держат до половины вытащенные из ножен каменные мечи, третьи молитвенно сложили руки, четвертые держат щит с крестом тамплиеров, возле пяток, также скрестив ноги, покоятся их дамы². На гербах множества семейств присутствуют раковина Иакова или крест святого Георгия, что говорит о Крестовых походах, и до сих пор можно встретить постоянные двory с вывеской «Голова сарацина»³.

Однако Крестовые походы не проникли настолько глубоко в сознание англичан, как того можно было бы ожидать. Они не вдохновили ни одного монументального памятника национальной истории. Не появилось и среди ученых-гигантов XIX столетия никого, кто сделал бы для Крестовых походов то же, что сделали каждый в своей области Стаббс, Фрод или Фримен. Все фундаментальные исследования изыскания проводились французами. Не существует и значимой литературной традиции, порожденной приключениями на Востоке, если не считать довольно нелепых средневековых рыцарских романов в стихах, прославляющих то, как

Ричард обедает поджаренным сарацином или спасает менестреля Блонделя⁴. И действительно, англоговорящие люди знакомы с Крестовыми походами главным образом благодаря благообращенной версии Вальтера Скотта в «Талисмане», единственном выдающемся произведении, какое они вдохновили во всей английской литературе.

Отчасти виной этой лакуны тот факт, что истинные силы Англии в эпоху Крестовых походов были заняты дома, где шла борьба между саксами и норманнами, между аристократами и королем, между короной и церковью.

Подавляющая часть английской крестоносной традиции сосредоточена вокруг Ричарда Львиное Сердце, а ведь его с трудом можно назвать англичанином, нога его супруги ни разу не ступала на английскую землю, да и сам он из двенадцати лет своего правления не более семи месяцев провел в стране, корону которой носил. Это Палестина сделала его национальным героем. Что знала о нем Англия как о короле – рыжеволосом великане⁵, потрясающем мечом и обладающим бешеным нравом представителей Анжуйской династии, который снизошел до страны, лишь чтобы надеть корону и собрать в свою казну все до последнего пенни, чтобы финансировать свой крестовый поход? Он отбыл в такой спешке, что Англия едва ли заметила его присутствие, если не считать бешеного вала налогов, который обрушился на нее и отступил лишь для того, чтобы обрушиться снова, когда короля пришлось выкупать из темницы императора Священной Римской империи, которому его выдал Леопольд Австрийский.

Почему-то эти факты оказались заслонены славными рассказами о его доблести в Палестине, где он прорубался сквозь ряды сарацин с мечом в одной руке и боевым топором в другой. Именно в Палестине он стал Ричардом Львиное Сердце, и именно в Палестине он превратился из сварливого, героического, бессовестного сына Аквитании и Анжу в первого короля-героя Англии со времен Альфреда Великого.

Разумеется, он был не единственным английским королем, отправившимся в Палестину либо как паломник, либо как крестоносец. Дважды трон пустел, пока претендент на него пребывал в Святой земле. Роберт Куртгез, или Роберт Куртуа, герцог Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя, упустил свой шанс получить английскую корону, поскольку находился в Первом крестовом походе, а власть успел захватить его младший брат, правивший затем под именем Генриха I. Внучатному племяннику Ричарда I Эдуарду Длинногому повезло больше. Хотя на момент смерти отца его не было в стране, поскольку он возглавлял Седьмой крестовый поход в Палестине, ему удалось по возвращении получить корону, и он еще двадцать лет правил под именем Эдуарда I, «Английского Юстиниана».

Отец Ричарда I, его брат Иоанн¹⁵, и сын Иоанна Генрих III – все они давали обет отправиться в крестовый поход, но первые двое были слишком заняты битвами дома, а последний вообще не хотел воевать и уж тем более исполнять клятву. Его место заняли другие члены королевской семьи. Уильям Длинный Меч, отец которого приходился сводным, незаконнорожденным братом Ричарду Львиное Сердце, отличился в Седьмом крестовом походе Людовика Святого, равно как и Ричард, граф Корнуольский, брат Генриха III. Симон де Монфор, возможно, самая значительная фигура в Англии XIII столетия, человек, возглавивший восстание баронов против Генриха III, в начале своей карьеры командовал крестовым походом в Палестину¹⁶. Множество других аристократов отправлялись с отрядами рыцарей, оруженосцев и пехотинцев, кое-кто даже с женами, в извечно тщетной надежде завоевать «наше законное наследство», «Божью землю», право на которую они себе присвоили, но так и не сумели утвердить.

¹⁵ Король Англии Иоанн Безземельный.

¹⁶ Тут у автора налицо путаница: Симон де Монфор, 6-й граф Лестер, выступивший против Генриха III, никогда не бывал в Палестине. В Святой земле в 1190–1200 гг. сражался его отец и полный тезка Симон де Монфор, 5-й граф Лестер, наиболее известный тем, что возглавил Крестовый поход против альбигойцев.

Возможно, Библия никогда не сумела бы так глубоко укорениться в сознании англичан, если бы в стране Библии не проливалась столько лет кровь англичан.

Участие англичан в Первом крестовом походе обычно обходят вниманием. Однако, согласно свидетельству очевидца, хрониста Раймунда Ажильского, английский флот из тридцати судов с английскими матросами на борту⁶ сыграл ключевую роль в поддержке крестоносцев с моря, пока с захватом Антиохии те не получили свою первую морскую базу. Хотя английский хронист Уильям Мальмсберийский, писавший поколение спустя, говорит, что «лишь слабый отголосок азиатских дел достиг ушей тех, кто обитал за Британским океаном», этот отголосок звучал, вероятно, громче, чем он думал. Неизвестно, вдохновлял ли английские военно-морские силы пыл священной войны или это была просто группа лишенных земель саксов, бежавших от Вильгельма Завоевателя, но флот был собран в Англии, плыл под командованием собственных, английских капитанов и захватил и удерживал Селевкию, порт Антиохии, пока основные силы крестоносцев по суше подходили из Константинополя. Пока не была взята Антиохия, английские корабли бок о бок с кораблями Генуи отбивали нападения сарацинского флота, не давая перекрыть пути поставок на Кипр. Когда крестоносцы были готовы выступить маршем на Иерусалим, англичане, потерявшие к тому времени девять из каждых десяти кораблей, сожгли оставшиеся и присоединились к сухопутным силам, – и с того момента исчезают со страниц истории. Возможно, их пример, практически игнорируемый историками того времени, заставил Ричарда плыть в Святую землю морем, а не следовать убийственным сухопутным маршрутом своих предшественников. Если так, то те безымянные моряки внесли свой вклад во владычество на море, которое со временем сделало Британию империей.

Тем временем Роберт Куртгез шагал с сухопутной армией. Хотя норманн по рождению и титулу, он был, как член недавно возникшей королевской династии, что называется, англичанином в первом поколении. На самом деле к моменту его гибели Уильям Мальмсберийский уже называл его «Робертом англичанином»⁷. В крестовый поход с ним шли по большей части норманны, бретонцы и анжуйцы. Безымянные «мужи из Англии», которые будто бы последовали за ним, вероятно, были пехотинцами, поскольку среди перечисленных по именам 360 рыцарей его свиты только горстка были разбитыми саксонскими танами или разобиженными англо-норманнами, уже рассорившимися со своим королем.

Но если англичане не пошли с Робертом, они так или иначе оплатили его участие в крестовом походе. Чтобы экипировать свое войско, Роберт Куртгез на пять лет заложил герцогство Нормандия своему малоприятному брату Вильгельму Руфусу за 10 тысяч марок. Чтобы собрать столь огромную сумму, Руфус ввел в Англии такой тяжкий подушный налог, «что вся страна стонала».

Однако сделка была не так уж дурна, поскольку в Палестине Роберт, казавшийся всем дома никчемной, послушной марионеткой в руках отца и братьев, тут вдруг из практически поражения выковал победу при Антиохии и собственноручно зарубил «Красного льва», тюркского вождя Кызил Арслана¹⁷. Обладатель далеко не воинственной внешности, этот невысокий и улыбчивый толстяк тем не менее, по утверждению современника, одним ударом меча надвое разрубил от головы до груди тюрка. Его доблесть и щедрость, с какой он делился пищей, оружием и лошадьми с другими крестоносцами во времена голода и лишений, признавались всеми⁸. И действительно, для тех суровых времен он кажется чересчур добродушным и беззаботным человеком, поскольку не мог даже эффективно управлять собственным герцогством. «Если на суд ему приводили плачущего преступника, он плакал с ним вместе и освобождал

¹⁷ Налицо некая путаница: хорезмшах Кызил Арслан Атсиз родился в 1127 и погиб в 1156 г., тогда как Роберт Куртгез умер в феврале 1134 г. Другое историческое лицо со сходным именем – третий атабек Азербайджана – никак не связано с Крестовыми походами, к тому же он был свергнут и убит в 1191 г.

его»⁹. Только в Палестине карьера Роберта обрела краткий миг славы. Домой он вернулся лишь для того, чтобы стать жертвой еще одного из своих суровых родственников.

Иерусалим был взят крестоносцами в 1099 г., и Роберт, единственный сын короля среди них всех, был первым, кому предложили трон. Он отказался, поскольку все еще надеялся возложить на себя корону Англии. Он отплыл из Палестины домой в 1100 г., но пока он был в пути, выпущенная неизвестным стрела оборвала жизнь Руфуса и избавила Англию от правителя, о котором не было сказано ни одного доброго слова. Генрих I утвердился на троне еще прежде, чем Роберт успел вернуться домой. Он успешно пресек притязаний старшего брата, заперев вернувшегося крестоносца в темницу до конца его дней, а в качестве утешения, как утверждает в хрониках, посылал ему королевские обноски.

Предполагается, что еще одна группа англичан приняла участие в Первом крестовом походе, хотя обстоятельства этого довольно туманны. Ордерик Виталий, чья хроника является бесценным источником сведений о том периоде, утверждает, что некий Эдгар Этелинг, последний из королевского саксонского рода, прибыл в сирийскую Лаодикию, город в составе Византийской империи, во главе «почти двадцати тысяч паломников... из Англии и с других островов океана» и уговорил население города провозгласить командующим своего друга герцога Роберта¹⁰. Кто были эти паломники, какую роль они сыграли в становлении Латино-Иерусалимского королевства и что с ними в конечном итоге случилось, нигде более не говорится.

По крайней мере, бедный Роберт, которому вечно до короны было рукой подать, удостоился краткой посмертной славы в единственной английской драме, написанной на тему Крестовых походов, – в «Четырех лондонских подмастерьях» Томаса Хейвуда¹¹. Эту пьесу, полную неистовых полетов фантазии, ставили по несколько раз в год на рубеже XVII в., к радости елизаветинских зрителей в «Красном быке». Череда от начала и до конца вымышленных событий подхватывает круговерть Готфрида Бульонского и других вождей Первого крестового похода, а за компанию с ними вымышленных рыцарей, дам, разбойников, драконов, отшельников и подмастерьев, причем каждый появляется обычно в обличье кого-то еще. В кульминационной сцене под стенами Святого города «Роберт-англичанин» произносит речь, которая так же не свойственна крестоносцам того времени, как появление их на сцене с огнестрельным оружием. Ни Гроб Господень, ни Истинный Крест в пьесе не упоминаются, зато священными символами выступают «дом Иеговы, Храм и Ковчег», ведь под влиянием Английской Библии Иерусалим уже воспринимали с точки зрения не Нового, а Ветхого Завета. Но следует помнить, что по времени Хейвуд отстоял от Крестовых походов дальше, чем мы от него самого.

На деле же крестоносцы были далеки от мыслей о доме Иеговы, ведь это из их глоток впервые вырывался зловеющий клич «Хеп! Хеп!» (от латинского «Hierosolayme est perdita»)¹⁸, который служил сигналом для погромов начиная с XII в. и до Гитлера, – так во всяком случае, гласит еврейская традиция. Хотя крестоносцы и были, по словам папы Урбана, «опоясаны мечом Маккавеев»¹², свой первый удар они нанесли как раз по народу Маккавеев еще прежде, чем выступили из Европы. Христианские воины, которым не терпелось обогреть свои руки кровью, предали мечу каждую еврейскую общину на своем пути. Отчасти эта массовая резня была предвосхищающим ударом по всем нехристианам в лице иудеев, которые были слишком уж удобными жертвами, тем более что, по слухам, они дьявольски вдохновляли турок на гонения против христиан в Святой земле¹³.

Расхожая ненависть к евреям проявлялась не слишком остро до тех пор, пока ее не разожгли священные войны. Немалую роль тут сыграл почти суеверный страх и отвращение чело-

¹⁸ «Иерусалим потерян!» (лат.). Теория о том, что это был клич крестоносцев Первого крестового похода, возникла в начале XIX в., в том же 1819 г., когда имели место массовые еврейские погромы в Германии, однако в исторических хрониках времен Крестовых походов он ни разу не упоминается.

века Средних веков к «еретикам», к лицам за рамками церкви. Свой вклад внесла и самая обыденная неприязнь к тому, кому должен денег. Ростовщичество, передача денег в займы под процент практиковалось евреями в Средние века потому, что система гильдий исключала для них любые прочие средства заработка: их собственный закон, хотя и воспрещал ростовщичество среди своих, позволял его в отношении неевреев, а само ростовщичество, хотя и воспрещенное христианским законом для христиан, было необходимо для функционирования общества. В конечном итоге, когда развитие капитализма и монетарной экономики сделали его тем более необходимым, христианские угрызения совести утихли настолько, что заниматься им разрешили самим христианам. Но на протяжении Средних веков оно ограничивалось преимущественно евреями и составляло прибыльный источник дохода для короны¹⁴. Только практические соображения, дескать, не следует выдаивать дойную корову насухо, ограничивали долю, которую корона могла забрать у евреев. Теоретически евреи имели права собственности, но на практике это ничего не значило, так как им не позволялось выдвигать обвинения против христиан, а потому их положение зависело исключительно от доброй воли короля.

Чем больше королевская власть поощряла ростовщичество евреев, тем больше их ненавидели в народе. В эпоху Крестовых походов стало очевидно, что насилие, практикуемое под знаменем креста, самый простой способ скостить долги и безнаказанно захватить еврейское золото. Ко времени Второго крестового похода в 1146 г. его проповедники огульно поносили всех евреев вообще, и первое зафиксированное обвинение в ритуальном убийстве было выдвинуто в 1144 г. против некоего еврея в Оксфорде¹⁵. Ко времени Третьего крестового похода в 1190 г. крестовый поход стал уже автоматически ассоциироваться с погромами, и убийства начались сразу после коронации Ричарда I, пусть и не по его приказу. Начавшись, погромы волнами перекинулись из Лондона на другие города, в которых проживали евреи, пока не достигли своего ужасного пика в Йорке, где только тем евреям удалось избежать ярости оголтелой толпы, кто убивали своих жен и детей, а после кончали жизнь самоубийством. По всем сообщениям, возглавляли эти погромы готовящиеся к отплытию крестоносцы и монахи, натравливавшие толпу на врагов Христа, что, вероятно, произвело глубокое впечатление на современников, поскольку хронисты описывают случившееся подробно и с неприкрытым ужасом. Отдельных зачинщиков наказали министры Ричарда, и хотя новых погромов не последовало, случившееся подпитывало неприязнь к евреям¹⁶. Наконец, столетие спустя другой король-крестоносец Эдуард I, решив не выжимать постепенно, а разом вычерпать источник, который уже иссякал, изгнал евреев из Англии и конфисковал в пользу казны имущество, которое им пришлось бросить.

Каким-то образом в сознании Средневековья евреи того времени и иудеи древности оказались целиком и полностью разделены. Архитипичным воином-патриотом, с которым восхищенные современники сравнивали как Ричарда Львиное Сердце, так и Роберта Брюса, был Иуда Маккавей. И, верно, скорее великие полководцы и цари иудеев, а не их пророки, находили отклик в окольченной ментальности эпохи «рыцарства». Среди «Девяти достойных»¹⁹ вселенской истории, «трех язычников, трех иудеев и трех христиан», изображения которых так часто встречаются в украшающей церкви каменной резьбе или на гобеленах, три иудея представлены Иисусом Навином (не Моисеем), Давидом и Иудой Маккавеем¹⁷.

Ричард Львиное Сердце, возможно, и был Маккавеем по доблести, силе и знанию стратегии, но не по своим мотивам. Он сражался не ради свободы, а ради забавы, то есть в Палестине. Остальное время, возможно, девяносто процентов своей взрослой жизни он провел, сражаясь по всей Франции против своего отца, короля Франции или какого-нибудь другого феодала, но все это затмил ослепительный блеск крестового похода. В том, что касается Ричарда I, «обще-

¹⁹ Персонификация идеалов рыцарства и воинской доблести в средневековой христианской традиции.

принятая сказка» повествует словно бы о втором короле Артуре, которым он ни в коей мере не являлся. Однако он подарил Англии легенду и отношение к Святой земле как месту, где разворачивалась эта легенда, поэтому в его эпоху и сто лет спустя любой англичанин мог бы сказать: «Когда я умру и меня вспорют, вы увидите, что в сердце моем – Палестина» – парадоксом того, что королева Мария сказала о Кале.

О Втором крестовом походе незачем много говорить. Он обернулся бесславным провалом, который, согласно расхожему мнению того времени, «хотя и не освободил Святую землю, все же не может считаться злополучным, поскольку послужил благой цели, смог населить небеса мучениками»¹⁸. В нем участвовали лишь немногие англичане, поскольку большинство населения было вовлечено в затянувшуюся на 17 лет войну императрицы Матильды с королем Стефаном²⁰. Когда на трон в 1152 г. взошел их преемник Генрих Анжуйский, всю его энергию поглотили насущные задачи по водворению порядка в стране. Он ограничился тем, что велел во всех церквях поставить ящики для сбора пожертвований в помощь тамплиерам¹⁹, а позднее ввел подать «на удержание земли Иерусалимской», составлявшую два пенса с каждого фунта в первый год и пенс с фунта в каждый из последующих четырех лет.

После убийства Томаса Бекета в 1170 г. Генриху пришлось принести обет отправиться на три года в крестовый поход в качестве платы за отпущение греха соучастия в этом самом знаменитом преступлении столетия²⁰. Но более важная задача, а именно укрепление своей власти в Англии в то время, когда его постоянно донимали династические распри во Франции, заставила его год за годом откладывать отъезд. Он принял обет крестоносца, но сомнительно, что он когда-либо всерьез намеревался его исполнить, поскольку Генрих был не просто королем, а талантливым правителем, чьи истинные интересы лежали дома, а не в поисках славы на далеком Востоке.

Непосредственной причиной Третьего крестового похода стал захват Иерусалима Саладином, который в 1187 г. отвоевал его у франков. Вся Европа якобы содрогнулась, когда пришло известие, что Святой город попал в руки неверных. Повсеместно считалось, что последовавшая вскоре после этого смерть папы римского Урбана II была вызвана горем²¹. Даже Генрих II болезненно воспринял случившееся и на сей раз начал активно готовиться к крестовому походу, к которому призывал новый папа Григорий VIII. Реакция на случившееся была такой острой, что короли, аристократы и рыцари принимали крестоносный обет повсеместно, пока, как писал Жоффруа Винсауф, «вопрос был не в том, кто подымет крест, а кто его еще не поднял». Также он писал, что вошло в обычай посылать посох и моток шерсти, знак роли женщины, чтобы подстегнуть тех рыцарей, кому не хотелось оставлять свои дома. Жоффруа Винсауф – предполагаемый автор «Itinerarium Regis Ricardi»²¹, которое представляет собой свидетельство очевидца и наряду с историей Баха ад-Дина²² является наиболее ценным и читабельным источником сведений о Третьем крестовом походе. Поскольку современные историки установили, что такого человека никогда не существовало, а если он и существовал, то не писал этой хроники, мы далее для краткости будем называть ее IRR²³.

Следствием падения далекого Иерусалима стал первый в истории Англии налог на доходы, придуманный Генрихом II, чтобы собрать средства на экспедицию. Крестоносцы от уплаты его избавлялись, но все остальные должны были уплачивать десятую долю всех рент

²⁰ Налицо некоторая путаница или натяжка у автора: данная гражданская война завершилась в 1147 г., годы Второго крестового похода – 1147–1149.

²¹ «Описание правления Ричарда» (лат.).

²² Баха ад-Дин (1145–1243) – арабский историк, биограф Саладина.

²³ Английский поэт и грамматист Жоффруа Винсауф, несомненно, существовал; более того, сохранилось множество комментариев XIII в. к его пространной поэме гекзаметром «Roetia pova» («Новая поэзия»), написанной в Риме в 1213–1218 гг.

и стоимости движимого имущества. Каждый человек должен был сам оценить свой доход, но если его подозревали в занижении оценки, истинную стоимость определял судья его прихода²².

Невзирая на настоятельность, крестовый поход то и дело откладывался из-за нескончаемых семейных распрей между Генрихом, его мятежными сыновьями и французским королем Филиппом Августом, которые вечно заключали и нарушали союзы и соглашения друг с другом и друг против друга. Посреди этих распрей, измученный уже к пятидесяти шести годам, выбитый из седла на поле битвы собственных сыном, Генрих умер в июле 1189 г. Королем стал неистовый Ричард. Двумя годами ранее, за каких-то пару недель до известия о падении Иерусалима он принял крест, и теперь его было не удержать. В отличие от отца, ему не было дела до долга государя или Англии как королевства, разве только в том смысле, что оно давало ему шанс с размахом удовлетворять свою страсть к битвам, приключениям и славе. Все это он мог обрести в крестовом походе, включая исполнение чаяний каждого рыцаря – прославленного и доблестного врага и спасение собственной души. Он поспешил в Англию, чтобы возложить на себя корону и организовать своего рода регентство на период своего отсутствия, а главное, чтобы пополнить казну. В ходе беспрецедентной оргии налогообложения и вымогательств он взялся выжимать деньги любыми известными способами и даже придумал несколько собственных оригинальных уловок. Он прогнал министров отца и выставил на публичные торги высшие посты в церкви и государстве. Он продал все титулы, нуждавшиеся в подтверждении, каждый оспариваемый замок, каждый фьеф короны, на который находился достаточно богатый претендент. «При нем все было на продажу – власть, титулы лордов и графов, должности шерифов, замки, города, поместья и прочее»²³. На тех, кто не настолько сильно желал милостей или земли, чтобы их покупать, он налагал штрафы – по веской причине или без оной, других сажал в тюрьмы и вынуждал выкупать собственную свободу, с третьих требовал платы за гарантию владения землями или отказ от обетов. Пока Болдуин, архиепископ Кентерберийский, и его бесценный архидиакон Гиралд Камбресий разъезжали по Англии, проповедуя крестовый поход и собирая рекрутов, министры Англии были больше, чем когда-либо, заняты взиманием штрафов, взяток и «подарков». Когда королю заявили, что он действует сомнительными методами, он только резко расхохотался и взревел: «Я бы Лондон продал, если бы нашел покупателя»²⁴.

Уже через четыре месяца, распродав все, что возможно, и выскребя все до последнего свободного пенса, он уехал, забрав с собой самых способных и лояльных министров, включая архиепископа Болдуина и премьер-министра своего отца Ранульфа Гланвилля – оба они скончаются в Палестине, а с ними и новый верховный судья Англии Губерт Уолтер. Много более проницательный Генрих оставил бы дома людей, которым мог доверить поддержание порядка в королевстве до его возвращения, но Ричарду такое не пришло в голову. Это стало судьбоносной ошибкой, поскольку, если бы его последний год в Палестине не был отмечен чередой сообщений об узурпации королевских привилегий принцем Иоанном и если бы он сам не погряз в агонии нерешительности, не зная, следует ему уехать или остаться, он, возможно, все-таки отвоевал бы Иерусалим.

Теоретически любой рыцарь, вступивший в ряды крестоносцев, лично отвечал за снаряжение свое собственное и любого числа оруженосцев и пеших солдат, состоявших в его отряде или его свите. Но Ричард, хотя мало что смыслил в управлении государством, не был солдатом безответственным, и его чудовищная жажда денег объяснялась исключительно необходимостью гарантировать, что он сможет снарядить, снабжать и поддерживать эффективную армию вдали от дома на период в один год и более, что должно было дать ему победу над Саладином, о которой он так мечтал. Вполне вероятно и то, что он хотел создать впечатление больших пышности и могущества, чем те, какими могли похвалиться надменный король Франции Филипп Август и герцог Леопольд Австрийский. Но превыше всего он твердо намеревался не повторить катастрофических ошибок прошлых заморских экспедиций, воины которых, стара-

ясь прокормиться «с земли», возбуждали ненависть местного населения вдоль всего своего пути, и им потому приходилось с оружием в руках пробивать себе дорогу, тысячами теряя солдат, гибнувших в битвах и от голода, еще прежде, чем достигали Палестины. Ричард не собирался следовать применяемой турками политике выжженной земли, но ему требовались огромные средства на перевозку армии по морю и обеспечение ее в пути. Реестры казначейства того времени свидетельствуют о том, как методично планировался сбор флота. Шериф Лондона Генрих де Корнхилл, например, приводит отчет о том, как были истрачены пять тысяч фунтов, полученные от королевского констебля:

1.126 фунтов 13 шиллингов 9 ½ пенса на две части от 33 кораблей с командами от 20 до 25 матросов на каждом, выставленных Пятью Портами²⁴ (последнюю треть составляли корабли, которые Пять Портов были обязаны выставить в уплату за торговые привилегии).

2.400 фунтов 58 шиллингов 4 пенса в счет годового жалования для 790 матросов.

257 фунтов 15 шиллингов 8 пенсов за 3 корабля из Хэмптона и 3 корабля из Шорхема.

529 фунтов 5 шиллингов в счет годового жалования 174 матросам.

56 фунтов 13 шиллингов 4 пенса за корабль, купленный у Уолтера, сына Боутсвейна.

185 фунтов 10 шиллингов 10 пенсов в счет годового жалования 61 матросу и капитану на королевском корабле «Эснекше».

10 фунтов за ремонт одного.

152 фунта 1 шиллинг 8 пенсов в счет платы 50 морякам и капитанам двух кораблей Уильяма де Стьювилля.

10 фунтов за ремонт оных.

9 фунтов в счет выкупа корабля, который король подарил госпитальерам.

60 шиллингов 10 пенсов в счет платы дополнительному моряку на корабле Эсташа де Берна²⁵.

Это, разумеется, была лишь малая часть целого. Также Ричард реквизиовал «из каждого города в Англии по две верховых лошади и еще дополнительных две выючных лошади и с каждого поместья, принадлежавшего королю, по одной верховой и одной выючной лошади»²⁶.

Более года армия провела во Франции и на Сицилии, пока реквизиовывались все новые корабли и рекрутировались все новые рыцари и пока заключалось соглашение между двумя не доверяющими друг другу королями. Французского короля постоянно уязвляло, что, где бы они ни появлялись, все взгляды устремлялись к Ричарду. Кто мог бы не восхищаться рослым воином, которого рисует IRR, облаченным в розовый сюркот, расшитый серебряными полумесяцами, в алой шапке, вышитой многоцветными птицами и зверями, с мечом с позолоченной рукоятью и в златотканых ножнах. И действительно, вскакивая на безупречного испанского скакуна с золотой уздечкой, под седлом с золотыми и алыми блестками, на котором к тому же были вышиты два золотых льва, он представлялся истинным воплощением рыцарственности.

Весной 1191 г. армия и флот были полностью собраны. Реквизировав дополнительные галеры и двухгодичный запас пшеницы, ячменя и вина, равно как и золотые столовые приборы своей сестры Джоанны, Ричард был готов к отплытию в апреле, Филипп Август уже отбыл месяцем ранее. Через Средиземное море в Палестину отплыла с развевающимися стягами и под рев труб внушительная флотилия из 219 кораблей, самое крупное морское соединение, какое видели в то время. Флотилия состояла из 39 боевых галер, длинных и изящных боевых судов с двумя рядами весел, 24 огромных *paves maxima* (транспортных судов с тремя рядами весел, каждое из которых взяло на борт по сорок рыцарей, сорок пехотинцев и сорок лошадей со всем их снаряжением и годовым запасом провианта и фуража) и 156 малых судов, на которых поместилось в половину меньше того груза и пассажиров, какой везли крупные транспортные суда. Флотилия отплыла клином восемью эскадрами по три корабля в первом ряду и по

²⁴ Группа портовых городов на берегу Ла-Манша, которые пользовались особыми привилегиями в сборе пошлин.

шестьдесят судов в последнем, причем двигались корабли на таком расстоянии друг от друга, чтобы крик с одного корабля был слышен на другом и зов трубы с одной эскадры – на другой. Во главе флотилии плыли сестра Ричарда Джоанна и его невеста Беренгария, которую королева-мать привезла из Мессины, хотя время отпраздновать свадьбу у короля нашлось, только когда они прибыли на Кипр. Сам король на «Эсекше» замыкал арьергард²⁷.

Сколько человек поплыло с Ричардом в тот великий и трагичный поход? Средневековые хронисты с возмутительным небрежением относятся к цифрам и вечно говорят о «множествах» и «бесчисленных воинствах» или задают риторические вопросы вроде «Кто может их сосчитать?», или вообще отделяются общими фразами, дескать, не было человека влиятельного и прославленного, кто не был бы в числе крестоносцев. В IRR говорится, что на момент взятия Мессины в армии Ричарда было десять тысяч человек, что в целом укладывается в известную грузоподъемность двух с чем-то сотен судов. Дополнительно архиепископ Болдуин отплыл независимо от короля с небольшим отрядом из двухсот рыцарей и трехсот пехотинцев, и неизвестное число английских моряков присоединились к флоту норманнов и фламандцев, общей численностью, согласно хроникам того времени, тысяча двести человек, который отправился на помощь Латино-Иерусалимскому королевству в начале 1189 г., еще до того, как Ричард стал королем²⁸.

Нет никаких сведений о численности населения Англии эпохи Крестовых походов, но эксперты в области демографии рассчитали, что в десятилетие крестового похода Ричарда оно составляло около 2 миллионов человек. То есть, если предположить, что в тот или иной момент в Третьем крестовом походе приняло участие от 10 до 20 тысяч англичан, приблизительно один из сотни самое большее или один из двухсот человек самое меньшее отправились в Палестину. Согласно «древнему реестру... благородных людей и рыцарей, что были с к. Р.І при осаде Акора (Акры)», своих людей в армию Ричарда предоставило каждое графство Англии, и еще многие прибыли из Уэльса. Значительная их часть не вернулась. Среди погибших всех армий в первые две зимы в Палестине IRR называет 6 архиепископов и патриархов, 12 епископов, 40 графов, 500 дворян, «огромное» число клириков и писцов и обычные «бесчисленные множества» прочих. Большинство скончались от болезни в ставшем рассадником заразы лагере под стенами Акры. В ожесточенных сражениях, следовавших за взятием города, когда Ричард бросил вызов мощи Саладина, многие попали в плен или были убиты противником. Рассчитать численность всей крестоносной армии невозможно, поскольку с самого падения Иерусалима постоянно прибывали группки крестоносцев со всей Европы. Одни оставались, другие погибали, третьи возвращались домой, а численность армии, собранной из местных христианских отрядов Антиохии, Тира и других удельных государств менялась в зависимости от интриг их местных правителей.

Возможно, наиболее близка к действительности оценка хрониста Саладина Баха ад-Дина, который указывает, что под Аркой армия христиан насчитывала 5 тысяч рыцарей и 100 тысяч пеших³⁰. Пропорция 1 к 20 конных и пеших представляется вполне логичной, хотя более высокие потери среди пеших под конец сократили эту пропорцию до почти 1 к 10 или даже 1 к 5. Несомненно и то, что ко времени завершения Третьего крестового похода более половины христианской армии погибло. В самой последней перед отбытием Ричарда битве, когда король приказал идти с ним каждому боеспособному воину, он, согласно IRR, собрал лишь 500 рыцарей и 2 тысячи пеших, командиры которых погибли. Когда он, наконец, отплыл домой, то поднялся всего на одну галеру, которая не могла везти больше 50 человек, хотя, надо признать, другие отбыли раньше него.

Пытаться прикинуть, какая часть населения Англии отслужила в Палестине, учитывая общие отсутствие надежных цифр, безрассудно. Можно сказать лишь, что там побывал один процент, из которого лишь малая часть вернулась домой.

Когда Ричард прибыл в Палестину в июне, Третий крестовый поход уже захлебнулся под стенами Акры, полная осада которой велась на протяжении года. Если осажденным приходилось несладко, то не лучше шли дела и у осаждающих, отрезанных от остальной страны, погрязших в нищете и болезнях переполненного лагеря, низведенных до поедания собственных лошадей, умерших от голода, или до уплачивания огромных сумм золотом за трупик случайной кошки. Не способные штурмовать город или снять осаду, оступевшие от разврата с ордами маркитанток, крестоносцы погрузились в отвратительную и зловонную нескончаемую нужду, от которой по сей день несет воню со страниц хроник.

Даже прибытие в марте 1191 г. французов под командованием короля Филиппа Августа, которые привезли свежий провиант, как будто сумело подвинуть лагерь лишь на вялые атаки, которые вскоре стихли. Только после появления короля Ричарда, который задержался в пути, чтобы покорить и обложить налогом Кипр, подтолкнуло осаждающих на ряд полномасштабных наступлений. Ричард появился под Акрой в июне, и уже через четыре недели город, выстоявший за почти трехлетнюю осаду в девяти сражениях и сотне стычек, капитулировал. Нельзя утверждать, что победа принадлежала единолично Ричарду, но без его неистового пыла, гнавшего крестоносцев на стены, они никогда бы их не одолели. Хотя из-за приступа малярии Ричард все время почти с самого своего прибытия провел в постели, он руководил битвой с носилок, а когда христиане снова и снова отступали под градом стрел и дротиков турок, он велел перенести себя на передовую и положить там, и его громовой голос погнал солдат на последний и успешный приступ.

С Саладином было заключено соглашение о перемирии и обмене пленными, последний должен был происходить в оговоренные промежутки времени на протяжении трех месяцев. Но когда Саладин начал оттягивать выполнение взятых на себя обязательств, Ричард без зазрения совести перебил более 2 тысяч пленных мусульман³¹. Этот безжалостный поступок, напугавший даже его собственную армию, заставлял и заставляет содрогаться от ужаса и отвращения более поздних историков. С тех самых пор, как они обнаружили, что Ричард далеко не *preux chevalier*²⁵ куртуазных романов, как то предполагала его репутация, школа псевдо-Стрэтчи запустила в него свои когти, разрывая на части то, что еще осталось от его репутации. Автор IRR, боготворивший короля, писал, что он наделен доблестью Гектора, великодушием Ахиллеса, терпимостью Тита, красноречием Нестора и рассудительностью Одиссея, что он был ровней Александру Македонскому и не уступал Роланду. Но более поздние историки обычно склонны рисовать его бессовестным и безжалостным злодеем. Скорее всего, он был не слишком приятным или привлекательным человеком, впрочем, никого из Плантагенетов нельзя назвать таковым. Но он, несомненно, был великим воином и великим полководцем. А еще он обладал качеством, без которого все остальное в полководце не в счет: твердой решимостью победить. Этому приносилось в жертву все – милосердие, умеренность, такт. Алчность, приводящая в такой ужас его критиков, была не просто жадностью: это была алчность квартирмейстера, которому нужно обеспечивать армию. Убийство пленных было не просто проявлением жестокости, а намеренным напоминанием Саладину о необходимости придерживаться условий, на которые он согласился, и его великий противник понял и отнесся к его поступку с уважением. По сути, английский король был единственным франком, которого хоть сколько-нибудь уважал Саладин, который однажды сказал: «Если мне суждено будет потерять Святую землю, я предпочел бы, чтобы она досталась Мелеку Рикю, а не кому-то другому».

Однако Ричард Львиное Сердце не взял Иерусалим. Почему? Забившиеся цистерны для воды и нехватка воды, жара и болезни, трудности снабжения армии продовольствием и фуражом, адаптации тактики, применяемой на плодородных равнинах Франции, к враждебным холмам и пустыням Палестины – со всем этим европейцы сталкивались в Первом крестовом.

²⁵ Рыцарь без страха и упрека (*фр.*).

Однако им не приходилось иметь дела с тем, с чем, а точнее с кем, столкнулся Ричард, – с великим генералом во главе вражеской армии. Саладин был на своей территории, он мог призвать войска из всех областей вокруг Палестины, и сам он не был ослаблен врагами в тылу. Но на самом деле к поражению Ричарда привела разобщенность интересов его собственных союзников, главной заботой которых было взаимное соперничество. Конрад, маркиз Тирский, перешел на сторону врага. Филипп Август отбыл домой – то ли потому, что не мог больше находиться в тени Ричарда, то ли потому, что изначально намеревался вернуться в Европу раньше и захватить владения Ричарда во Франции. Его уход нельзя было считать безусловной потерей, поскольку, как сказал брат Саладина: «Ричарду мешал французский король, как кошке, к хвосту которой привязали молот»³².

Пятнадцать месяцев с падения Акры в июле 1191 г. и до отъезда Ричарда в октябре 1192 г. прошли в попытках продвинуться, отражая постоянные набеги противника, вдоль побережья к Яффе, плацдарму, с которого можно было бы выступить на Иерусалим, а также в переговорах на переговоры, побочной кампании против Аскалона и Дарума и двух бесплодных попытках взять Святой Город на холмах.

Марш на юг из Акры по старой римской дороге вдоль побережья требовал постоянно подходить к местам, где мог причалить флот. Ричард тщательно спланировал этот поход. Пять основных сил армии, куда входили тамплиеры, бретонцы, выходцы из Анжу и Пуату, норманны, англичане и, наконец, госпитальеры, двигались тремя эшелонами, которые шли параллельно. Дальше всего от берега маршировала пехота, чтобы защитить все войско от частых вражеских вылазок с холмов. В середине шла кавалерия и ближе всего к берегу – тяжело груженные обозы. В центре развевался королевский штандарт Англии, закрепленный на крытой повозке, которую тащили четыре лошади, но сам король обычно скакал вдоль войск, инспектируя отряды и поддерживая порядок. Из-за жары он ограничил передвижение ранними утренними часами, так что в день армия проходила восемь или десять миль, и через день устраивался привал на полные сутки. Медленное продвижение было обусловлено жарой середины лета, ослабленностью армии и потерей вьючных животных под Акрой, так что половине пехотинцев приходилось на себе тащить тюки и палатки, время от времени сменяя тех, что шли дозором и отбивались от врага. Для защиты от непрерывного града стрел крестоносцы надевали поверх кольчуг толстые фетровые накидки, и Баха ад-Дин рассказывает, какое благоговение вызывали у турок франки, равнодушно шагающие вперед, когда из спины у них торчат пять или десять стрел. Под палящим зноем многие падали замертво, другие теряли сознание, и их приходилось везти морем. Каждый вечер назначенный герольд вставал посреди войска и выкрикивал «*Sanctum Sepulchrum adjuva*» («Помоги нам, Святой Гроб Господень!»). Подхватив клич, войско повторяло его трижды, простирая руки к небесам, проливая слезы и, согласно IRR, черпая облегчение и отдохновение в церемонии.

Пока армия ползла так по побережью, все знали, что каждый день приближает их к тяжелой битве, которую неминуемо навяжет им Саладин, если хочет не подпустить их к Яффе. Передовые кавалерийские отряды турок нападали на медленно тащащуюся армию, стараясь заставить ее принять бой, поскольку излюбленной стратегией Саладина было разделить и рассеять христиан по равнине, где их могла порубить его конница. Ричард же твердо решил удерживать строй, который защитит обозы, и вынудить турок принять ближний бой. По мере того как продвигалась армия, напряжение нарастало, каждый христианин нутром чувствовал, что за холмами собираются несметные орды. Потребовалась жесточайшая дисциплина Ричарда, чтобы не позволить разъяренным командирам отдельных отрядов броситься вперед, чтобы преждевременно завязать схватку.

Наконец в одиннадцати милях от Яффы, у местечка под названием Арсуф момент настал³³. Не в силах сдерживаться, госпитальеры нарушили строй и ринулись на турок. «Король Ричард, – говорится в IRR, – увидев, что его войско пришло в движение, бросился

на своем скакуне через ряды госпитальеров и ворвался в ряды турецких пеших, которые были изумлены ударами его и его людей и, поддавшись, побежали во все стороны». Но вскоре они сгруппировались для наступления. «По всей равнине можно было видеть упорядоченные отряды турок, мириады знамен, одних кольчуг тут было будто бы двадцать тысяч... Они ринулись быстрее орлов, и воздух почернел от пыли, поднятой их лошадьми, зазвенели боевые кличи и взревели трубы». Король был ранен ударом копья в левый бок, но ряды пехоты выдержали удар, опускаясь на одно колено и выставляя вперед копья, в то время как позади них была пущена в ход баллиста, стреляющая дротиками²⁶. Хотя битва бушевала весь день, туркам не удалось сломить ряды христиан, и они наконец отступили по равнине, скользкой от крови и усеянной трупами.

Теперь армии встретились и испытали силу друг друга в открытом бою. После этой битвы Саладин понял, что не сумеет сдержать продвижение христиан, зато, отступив и оттягивая время, может взять их измором. Он отозвал гарнизоны из всех крепостей вплоть до Аскалона, поскольку не желал, чтобы их постигла участь Акры. Гарнизон остался только в Даруме, крепости, запиравшей путь в Египет, но Ричард взял его после четырехдневной осады.

Начиная с этого момента, когда скоординированные действия всех христиан позволили бы взять Иерусалим, крестовый поход стал разваливаться. Сначала французы решили остаться в Яффе, чтобы укрепить ее стены, а заодно и насладиться радостями городской жизни после тягот перехода. Когда настойчивость других вождей крестового похода все-таки заставила их двинуться в путь и на Новый год была предпринята попытка обложить Иерусалим, герцог Бургундский отступил уже в виду города и в конечном итоге вообще ушел со своими войсками. Стали откалываться и другие отряды, чтобы вернуться в Акру или присоединиться к предателю Конраду в Тире. Даже тамплиеры и госпитальеры советовали не брать Иерусалим из страха, что после останутся одни оборонять его от подступающих со всех сторон турок. Да и сам Ричард, которого с того самого времени, как Филипп Август дезертировал в Яффе, терзали мысли о том, что могут учинить у него за спиной французский король и его брат Иоанн, спешил вернуться в свое королевство, пока еще есть куда возвращаться.

Эта тревога и растущее осознание того, что никаких скоординированных действий от разобщенной армии не добиться, настроили его закончить войну, выторговав наиболее выгодные условия перемирия. На протяжении зимы и начала весны 1192 г. шли ожесточенные переговоры, с предложениями и контр-предложениями относительно владения Иерусалимом и различными прибрежными городами и замками крестоносцев, включая даже абсурдное и циничное предложение Ричарда, дескать, его сестра Джоанна может выйти замуж за брата Саладина и они вместе станут править Иерусалимом³⁴. Обходительный и дипломатичный Саладин затягивал переговоры умелым красноречием, сдабривая его неиссякаемым потоком подарков: роскошный испанский жеребец для Ричарда, алый шатер, свежие фрукты и привезенный с гор снег, семь верблюдов в богатых пополах и умелый лекарь, чтобы врачевать раны короля³⁵.

Тем временем гонцы из Англии привозили известия о чинимых Иоанном злоупотреблениях и заклинали Ричарда вернуться. Последнее наступление на Иерусалим английский король запланировал на июнь 1192 г., но члены его военного совета так и не пришли к согласию, и король горько сдался. Отворачиваясь от великой цели, ради которой тщетно было истрачено столько сил, крови и денежных средств, он обратил свои стопы к вершине холма, откуда были

²⁶ Известная еще с античности, баллиста использовалась для метания камней и окованных железом бревен. Дротиками стреляли из катапульты, причем из баллисты можно было выпустить камень весом 26 кг, тогда как вес дротика не превышал 2. Кроме того, стрельба из катапульты велась горизонтально, а баллиста была предназначена для стрельбы под большим углом возвышения и применялась для разрушения стен.

видны башни Иерусалима. Но Ричард прикрыл лицо плащом, сказав: «Благословенный Боже, молю, не дай мне увидеть твой Святой город, который я не смог освободить из рук врага»³⁶.

Теперь стало очевидно, что мешкать в Палестине нет смысла. Ричард уже готовился отплыть из Акры, когда пришло известие, что сарацины обложили Яффу, где небольшому отряду защитников-христиан грозила неминуемая гибель. Словно бы сама судьба вмешалась, чтобы загладить горькое унижение храброго человека. Ведь в битве под Яффой Ричард совершил такие ратные подвиги и завоевал такую славу, что она была у всех на устах. Воспоминания о вынужденном провале поблекли в свете рассказов о его доблести, и когда три года спустя королева Элеонора переворачивала страну вверх дном, чтобы собрать гигантский выкуп, какого потребовал тюремщик Ричарда, англичане откликнулись каждым пенни, так велика была их гордость своим королем Львиное Сердце.

Рассказ IRR об освобождении Яффы, возможно, записанный той самой ночью, переполнен гордостью за восторг битвы и могучие подвиги короля. Ричард, пишет ее автор, прервав всех, кто предостерегал против поспешности, воскликнул: «Господь мне свидетель, я буду с ними и окажу им всю помощь, какую смогу». Он велел развернуть корабль, высадить его у Яффы и практически пошел по пояс вброд во главе небольшого отряда из всего 80 рыцарей и 300 лучников. Лично вооружившись арбалетом, который вскоре сменил на свой «яростный меч», он бросился на турок, вышедших на берег, и вскоре заставил их отступить. После потрясающей битвы город был освобожден, а христианский гарнизон спасен, но турки, устыдившись, что дали прогнать себя столь малому числу христиан, послали новое войско, чтобы застать Ричарда врасплох, когда он спал у себя в шатре. Раздавшийся в последнюю минуту крик «К оружию! К оружию!» разбудил короля.

«Господь всех добродетелей! Жил ли на свете человек, которого не поразил бы столь внезапный тревожный клич?.. О, кто мог бы в полной мере рассказать об ужасных нападениях неверных? Поначалу турки набежали с ужасающими воплями, стали метать копья и выпускать стрелы. Король пошел вдоль рядов и призывал каждого к твердости. Снова и снова турки налетали как ураган, делая вид, будто наступают, дабы наши люди поддались, а когда оказывались поблизости, отворачивали коней в сторону. Увидев это, король и его рыцари, которые были верхом, дали шпоры коням и бросились в гущу врагов, выбрасывая их из седел направо и налево, и многих протыкали насквозь длинными копьями... Какая страшная битва велась тогда! Множество турок... ринулись к королевскому знамени со львом, ибо лучше зарубили бы короля, нежели тысячу прочих... Но такова была его храбрость, что словно бы возрадовалась, что ей представился случай проявить себя. Его меч, сверкавший подобно молнии, разил равно людей и лошадей, разрубая их надвое».

Он сражался весь день, и в IRR говорится, как временами он рубился с мечом в одной руке и легким копьём в другой, как прорубал себе дорогу, точно жнец серпом, как внушил туркам такой ужас, что среди них возникла паника, так старались все убраться с его пути, как он увидел, что благородный граф Лейчестерский упал с лошади и храбро сражается пешим, как погнал к нему коня и снова посадил его в седло, как вырвал у врагов Ральфа де Мобона и вернул его отряду, как Саладин посреди битвы послал ему в знак почтения его храбрости двух свежих лошадей, и как король сказал, что примет любое число лошадей и от врага худшего, чем Саладин, так велика его в них нужда, как, наконец, «король, горячий, замечательный король... благополучно вернулся невредимым к своим друзьям... утыканный дротиками, как олень стрелами, и попона его коня была также густо усеяна стрелами». И когда Саладин спросил своих павших духом воинов, почему они не захватили Мелека Рика, те ответили: «Воистину, господин, не было такого рыцаря с начала времен... сразиться с ним смерти подобно, а его подвиги превыше человеческой природы».

После битвы было подписано трехлетнее перемирие, по условиям которого Иерусалим и его окрестности оставались за сарацинами, но Гроб Господень и права паломников на доступ

к нему возвращались христианам, которым также оставалась прибрежная равнина с портами от Тира до Яффы. Три группы крестоносцев отправились посмотреть на Святой город, но без Ричарда, который, если не мог прийти туда как завоеватель, вообще отказался вступить в Иерусалим. Ричард Львиное Сердце уплыл, но легенда о его мощи стала присловьем среди арабов. Если лошадь шарахалась от шума в кустах, считалось, что ее напугал дух Мелека Рика, а на плачущего ребенка шикали: «Шшш, Англия идет!»³⁷.

Одним из следствий Крестовых походов для Англии стали существенные изменения и даже хаос в землевладении, поскольку очень многие рыцари закладывали свои земли ради средств на снаряжение. Король был не единственным, кто в поисках денег доходил до крайности. Некий Эндрю Астли всю свою собственность продал аббатству Комбе в Варвикшире за триста двадцать марок серебром. Другие закладывали земли, обычно богатым аббатствам на три, четыре или семь лет, и если им удавалось выжить, зачастую возвращались домой слишком обнищавшими, чтобы выкупить свою собственность, и остаток жизни проводили приживалами в монастырях³⁸.

Изыскания, предпринятые в XVI в. Лилендом и Кэмденом в монастырских архивах и приходских записях, выявили множество фактов о Крестовых походах. Например, некоего Осборна Джиффорда отлучили от церкви за похищение двух монахинь (одной, по всей очевидности, было недостаточно), а в качестве платы за отпущения грехов он должен был на три года отправиться в крестовый поход в Святую землю, за кои три года он не должен был носить ни рубахи, ни одежды рыцаря и никогда в жизни не входить в женский монастырь. История Роджера Моубрей – редкость для Крестовых походов. В годы Второго крестового похода он побывал в Святой земле дважды и пережил даже пребывание в плену у сарацин. Разумеется, любой, кому так благоволит фортуна, превращается в героя романтических приключений, и про Роджера говорили, что он вмешался в смертный бой дракона со львом и, зарубив дракона, заслужил такую благодарность льва, что тот последовал за ним до самой Англии. Его сын Найджел Моубрей отправился с королем Ричардом в Третий крестовый. Еще одним попавшим в плен к сарацинам был Гуго де Хаттон, который сбежал через семь лет и добрался на родину в лохмотьях. Услышав от пастуха, который его не узнал, что его считают умершим, Гуго вошел в собственный замок – впрочем, какой прием его ожидал, нам не известно. История оставляет его на пороге – еще одного в череде давно списанных воинов, которые возвращались домой инкогнито со времен возвращения из-под Трои Одиссея.

Часто причиной отправиться на священную войну оказывалась ссылка. Бесстрашный Фульк Фитц-Варен настолько прогневал принца Иоанна за игрой в шахматы, что Иоанн ударил его по голове доской, на что Фульк ответил ударом, едва не убившим раздражительного принца. Немедленно отосланный от двора Фульк выехал в Палестину, но шторм пригнал его корабль к Берберскому берегу, где он был взят в плен сарацинами. Его плен как будто проходил приятно, поскольку в свое пребывание во владениях султана он якобы наслаждался любовью «благородной дамы по имени Идония». Со временем он добрался в Святую землю и примкнул к армии Ричарда, осаждавшей Акру³⁹. К этому рыцарственному кругу принадлежал также Уильям де Прателлес, прославившийся тем, что спас Ричарда от плена, когда во время охоты короля захватила врасплох внезапная вылазка в врага. Уильям закричал: «Это я король!», и его уволокли в оковах, но по счастью последнее, что сделал Ричард перед тем, как покинуть Палестину, – обменял десять турок на своего галантного друга⁴⁰.

Даже пресловутый Иоанн, когда стал королем после Ричарда, принял крест⁴¹: среди поблекших строк Великой хартии вольностей 1215 г. есть запись о том, как он обещал удовлетворить все предъявляемые ему земельные претензии «перед тем, как мы предпримем крестовый поход». Но, не доверяя его намерениям, суровые бароны вынудили его удовлетворить

свои требования немедленно, «на случай, если мы задержимся дома и не совершим паломничества».

Иоанн, разумеется, задержался, но его младший сын Ричард, граф Корнуолльский, твердо решил ехать, как это сделал его тезка Ричард I⁴². Как единственный ответственный человек при дворе, где свора французских фаворитов разваливала страну при самодовольном попустительстве его некомпетентного брата Генриха III, граф Ричард считал, что не может уехать, пока считается первым в престолонаследовании. Но едва у короля родился сын, он отправился в Палестину. Все пытались его отговорить, включая папу римского, который побуждал его откупиться от исполнения обета. Папская забота объяснялась, без сомнения, тем фактом, что Ричард, которому принадлежали оловянные и свинцовые шахты, а также огромные площади строевого леса в Корнуолле, считался самым богатым аристократом Европы. Но граф отказывался «продать» обет, вместо этого он продал свои леса, чтобы собрать необходимые средства. Как писал Уильям Тирский, когда он уезжал, люди плакали, ибо он был человеком, пекущимся о всеобщем благе, на что он сказал им, что даже если бы не принес обет, он все равно предпочел бы уехать, лишь бы не стать свидетелем бед, которые вот-вот обрушатся на королевство. Вместе с ним поехал доблестный Уильям Длинный Меч, граф Солсбери, позднее погибший в крестовом походе в Египте⁴⁴, семь баронов, пятьдесят или шестьдесят рыцарей и обычный отряд лучников и копейщиков. Однако, когда в октябре 1240 г. они высадились под Акрой, то обнаружили, что между франками и мусульманами заключено перемирие, а последние заняты обычной войной между халифатами Египта и Сирии. Поскольку условия перемирия не были выполнены, граф Ричард, следуя по стопам своего покойного дяди, выступил на Яффу, но там его встретило предложение мира от измученного египетского султана. Будучи умелым переговорщиком, граф Ричард добился в конечном итоге наилучших условий, какие только получали по договорам крестоносцы: Иерусалим, Назарет, Вифлеем и большая часть Святой земли доставались христианам. По возвращении в Англию графа Ричарда повсеместно славил как освободителя Гроба Господня.

В Палестине к нему присоединился Симон де Монфор, чья недавняя женитьба на сестре короля вызвала такую бурю, что он счел разумным на время покинуть родину. Симон, которого позднее назовут вторым Иисусом Навином в бою, недавно с враждебностью, присущей крестоносцу, изгнал потомков Иисуса Навина из своих графских владений в Лейчестере⁴⁵. Он еще не стал великим противником королевской тирании, возможно, единственным человеком в истории Англии, кто во всех кровавых распрях между королями и аристократами, начиная с эпохи Вильгельма Завоевателя и кончая эпохой Тюдоров, сражался из принципа. Хотя он не оставил своего следа в событиях в Палестине, местные франки, вероятно, признавали его способности и силу личности, поскольку предложили ему регентство в Латино-Иерусалимском королевстве при его несовершеннолетнем правителе. Но Монфора влекло домой, и он уехал, чтобы стать хозяином Англии, но в конечном итоге потерпел поражение и был жестоко убит.

Конец эры Крестовых походов уже близился. Палестина стала полем битвы для новых исламских орд. С севера хорезмийцев и курдов теснили наступающие монголы, за которыми вскоре последовали татары. Уже через два года после победного договора графа Корнуолльского Иерусалим был снова утрачен. Тир и Акра остались последними оплотами франков в Палестине. Последние Крестовые походы были ориентированы на Египет и Берберский берег, где правила династия мамлюков. Последними организованными походами Запада стали две бесплодные экспедиции туда во главе с королем Франции Людовиком IV, «барабаном, полным ветра», как назвал его один мусульманский поэт⁴⁶.

Во второй из них, пришедшейся на 1269–1272 гг., к нему присоединился принц Эдуард, отправившийся в крестовый поход в исполнение обета, который принес, когда окончательно сверг Симона де Монфора. По прибытии в Тунис с четырьмя графами, четырьмя баронами

и приблизительно тысячью солдат Эдуард с отвращением обнаружил, что Людовик и прочие вожди христиан подписали договор с султаном. Эдуард тут же отплыл со своими людьми в Акру, где собрал из местных франков армию приблизительно в семь тысяч человек, но ему удалось лишь отвоевать Назарет – в отместку за то, что сарацины разрушили тут христианские церкви. Получив тяжелое ранение отравленным кинжалом наемного убийцы, принц несколько месяцев лежал на смертном одре, но выжил. Наконец он тоже подписал перемирие на десять лет, десять месяцев и десять дней, после чего отбыл домой⁴⁷, а приехав на родину в 1272 г., обнаружил, что его отец умер и сам он стал королем. Он был последним из западных правителей, кто сражался в Палестине.

В 1281 г. король Эдуард получил письмо от сэра Жозефа де Канси, рыцаря ордена госпитальеров святого Иоанна, которому Эдуард поручил держать его в курсе «событий, творящихся в Святой земле». В письме рассказывалось о битве между сарацинами и монголо-татарами, и в нем сэр Жозеф, лично ставший очевидцем сражения, сетует: «Никогда на нашей памяти Святая земля не была в таком скверном положении, как ныне, когда она пустеет от нехватки дождя, различных моров и поветрий и язычников... Никогда мы не видели так мало [франкских] солдат или так мало здравых умов». Де Канси писал о своей уверенности, что при умелых полководцах и налаженном снабжении армии неверных можно изгнать, и свое письмо завершает просьбами, чтобы Эдуард вернулся и завершил завоевание⁴⁸.

Но время уже вышло. Эдуард был занят завоеванием соседнего королевства Шотландия и на Восток не вернулся. Последующие папы сами подорвали крестоносную идею, набожно убеждая будущих крестоносцев выкупать свои обеты за золото для сундуков Ватикана. Когда великий магистр ордена тамплиеров приехал в Европу, чтобы молить о помощи против вновь набирающих силу мамлюков, то смог собрать не более нескольких сотен итальянских наемников⁴⁹. Теперь борьба за Палестину была заведомо обречена. Ровно через сто лет после того, как Ричард Львиное Сердце сломил сопротивление Акры, две тысячи мамлюков выступили против последнего города крестоносцев. В 1291 г. Акра пала. В том же году, когда Эдуард изгнал евреев из Англии, христиане были вытеснены из Палестины.

Глава V

Английская библия

В 1538 г. король Генрих VIII издал указ, предписывающий, чтобы «вся Библия в одной книге самого большого объема на английском языке», была помещена в каждой церкви Англии. Далее указ предписывал духовенству поместить Библию «в доступное место... где прихожанам будет наиболее удобно обращаться к ней и ее читать»; далее в нем говорилось, что «не должно отвращать ни одного любого человека от чтения или слушаний означенной Библии, но следует побуждать и заставлять каждого человека читать оную»¹.

С переводом Библии на английский язык и объявлением этого перевода величайшим авторитетом автономной англиканской церкви, история, традиции и нравственный закон иудеев стал частью английской культуры и на три столетия превратился в самый мощный инструмент влияния на эту культуру. Говоря словами Мэттью Арнольда, Библия связала «гений и историю нас, англичан, с гением и историей иудейского народа»². Это далеко не означает, что Англия превратилась в страну иудеофилов, но не будь Английской Библии, сомнительно, что от имени британского правительства когда-нибудь была бы провозглашена Декларация Бальфура или был бы принят Британский Мандат на Палестину – даже учитывая стратегические факторы, которые вступят в игру много позднее.

Повсюду, где пускала корни Реформация, Библия заменяла папу римского в роли высшего духовного авторитета. Чтобы уменьшить притязания Рима, все более и более подчеркивалось палестинское происхождение христианства. Там, где раньше правили папские буллы, теперь взяло верх слово Божие, явленное в иудейских заветах Аврааму и Моисею, Исае, Илии и Даниилу, Иисусу и Павлу.

«Задумайтесь о великом историческом факте, – писал Томас Хаксли, – что этой книгой было пронизано все, что есть лучшего и благороднейшего в истории Англии, что она стала национальным эпосом Британии»³. Налицо любопытный факт того, как семейная история одного народа становится национальным эпосом другого. После выхода в свет версии короля Иакова в 1611 г. адаптация стала полной. Библия принадлежала Англии так же, как добрая королева Бесс или королева Виктория. Те, кто пишет об Английской Библии, по обыкновению, прибегают к выражениям вроде «эта национальная Библия», «это величайшее произведение английской классики», а Г. У. Хоур в своей «Эволюции Английской Библии», доходит даже до того, что называет ее «освященным веками английским наследием», что показывает, насколько энтузиазм может подвести ученого. Ведь Английская Библия далеко не «освящена веками», поскольку ей не так уж много лет, если сравнивать ее, к примеру, с произведениями Чосера, и не является «наследием», разве что речь идет о переводе. Ее содержанием было и остается происхождение, верования, законы и хронология событий истории еврейского народа Палестины, и большая ее часть написана задолго до того, как кто-либо в Англии научился читать или писать. Однако ни одна другая книга не проникла так глубоко в плоть и дух английской жизни. Когда умирающий Вальтер Скотт попросил Локхарда почитать ему вслух, Локхард спросил, какую книгу, а Скотт ответил: «Есть только одна».

Заключается ли причина столь большого влияния Библии на английский народ в ее внутреннем содержании или в красоте версии короля Иакова – дело мнения. Книг и работ, относящихся только к влиянию авторизованной версии короля Иакова на разговорный язык и литературу Англии, хватит на целую библиотеку. Но тут нас касается не столько литературный аспект, сколько то, какое воздействие Библия оказала, познакомив англичан с еврейской традицией Палестины.

Почему это собрание еврейских семейных историй стало главной книгой английской культуры? Почему Милтон, собираясь написать эпическую поэму об истоках Англии, обратился вместо этого к библейским темам в «Потерянном рае» и «Самсоне-антагонисте»? Почему Буньян обращается к тому же источнику в «Путешествиях пилигрима», который станет второй Библией во многих домах? Почему, вопрошает валлийский писатель Джон Кауптер Поуис, у англичан такая «мания к Ветхому Завету» и почему «наша англо-кельтская раса обретает свою индивидуальную религию в еврейских эмоциях и в еврейском воображении»? Он предполагает, что «в древних аборигенах этих островов текла прекельтская кровь, причем вовсе не арийская, и именно их прапамять пробуждает в атавистических глубинах эта семитская книга»⁴? Средний англичанин поморщился бы от таких кельтских аллюзий (хотя они могут прийтись по вкусу энтузиастам Англо-израильского движения⁵, которые путем исковерканного толкования случайных отрывков Библии убедили себя, что англичане истинные потомки десяти потерянных колен Израилевых). Но незачем заходить так далеко в атавистические дебри аборигенов-бриттов, чтобы понять привлекательность Ветхого Завета. Главным образом она основывается на двух идеях, которые отличают его от любого другого свода мифологически-религиозной литературы: идея монотеизма и идеал упорядоченного общества, основанного на нормах общественного поведения между человеком и человеком и между человеком и богом. Как раз это возвышенно суммировал мистер Гладстон, архетип англичанина, воспитанного на Библии, который сам, пожалуй, походил на какого-нибудь древнего пророка. Христианство, писал он, обязано иудеям концепцией единства божия, и когда мы теперь спрашиваем, как эта идея, «столь повсеместно отрицаемая в древности, поддерживалась в мире в долгий период всеобщей тьмы и благополучно была передана нам, ответом будет, что поддерживал ее, и только ее одну как живой постулат религиозного долга в одной маленькой стране один маленький и обычно унижаемый народ, и что эта страна и этот народ приняли эту драгоценную истину и сохранили ее в писании Ветхого Завета»⁶.

Единый бог и единый народ, избранный для передачи слова Божия, который стремится, пусть и не безупречно, жить по закону этого слова, – в таком смысле поколение за поколением англичане стали воспринимать Библию. Ее знали все. Во многих домах она была единственной книгой, а потому ее читали и перечитывали, пока ее слова и образы, персонажи и истории не становились такими же привычными, как хлеб. Дети заучивали длинные главы наизусть и обычно знакомились с географией Палестины еще прежде, чем с географией собственной страны. Ллойд-Джордж вспоминал, как при первой его встрече с Хаймом Вейцманом в декабре 1914 г. в разговоре всплывали название мест, «знакомые мне лучше, чем места сражений на Западном фронте»⁷. Биограф лорда Бальфура писал, что интерес Бальфура к сионизму происходит из изучения Ветхого Завета в детстве под руководством матери. Было ли это библейское образование столь же интенсивным, как у писателя и теоретика искусства Рескина, который на первой же странице своей автобиографии пишет, как по требованию матери должен был прочесть всю Библию «слог за слогом, трудные имена и названия, вслух, от Бытия до Откровений приблизительно раз в год... и на следующий день начинать снова с Бытия»⁸? Вероятно, маленький Рескин и не подозревал, что делает ровно то, что каждый день делается в еврейских синагогах (хотя и без Нового Завета), но, став взрослым, вспоминал это как «самую драгоценную и в целом единственно существенную часть моего образования».

Невозможно установить точную дату, когда Англия переменялась, став, так сказать, англиканской, когда бог Авраама, Исаака и Иакова стал английским богом, когда герои Ветхого Завета заняли место католических святых. Вся Европа менялась на рубеже XVI столетия, когда Средние века уступали место Ренессансу и Реформации или тому, что люди того времени называли «новой ученостью». Одни ученые датируют конец Средних веков падением Константинополя в 1453 г., другие – изобретением печатного пресса в 1454 г., третьи – откры-

тием Нового Света Колумбом в 1492 г. или восстанием против Рима, сигнал которому был дан, когда Лютер прибил свои тезисы к двери собора в 1517 г. Не одно из этих событий в отдельности, но комбинация и взаимодействие всех их на протяжении приблизительно 50 лет открыли дорогу новой эре. В Англии для упрочения Реформации потребовался весь бурный XVI в., и в каждое десятилетие на плахах катились головы и горели на кострах еретики. Среди тех, кто пролил свою кровь, были переводчик Библии Тиндейл, министр короля Кромвель, нестигаемый католик сэр Томас Мор и столь же нестигаемый протестант Кранмер. Однако работа по переводу Библии упорно продвигалась, пока в первые годы следующего столетия не достигла своей кульминации в Библии короля Иакова. Она далась ужасной ценой, но, как сказал один персидский поэт, роза расцветает краснее там, где кровоточил какой-нибудь цезарь.

Работа, завершившаяся в 1611 г. Библией короля Иакова, на самом деле была начата в 1525 г. Тиндейлом, но он был ни в коей мере не первым, кто сделал перевод этого текста на английский язык. Самые первые переводы были сделаны в период до изобретения книгопечатания, и число экземпляров в силу необходимости ограничивалось трудностью воспроизведения большого числа рукописных копий. Едва был изобретен печатный станок, хлынул настоящий поток, и Английскую Библию было уже не сдержать, поскольку сколько бы церковные власти ни скупали и ни сжигали книг, столько же копий можно было напечатать.

Тот факт, что Генрих VIII пошел против папы римского в деле о разводе и тем самым дал добро на протестантское восстание, был не причиной реформации, а случайностью, заставившей корону стать на сторону реформаторов раньше, чем это могло бы случиться. Реформация все равно имела бы место, даже если бы не существовало Генриха VIII и его вожеления к Анне Болейн. Дух протестантизма витал в воздухе и был силен в Англии еще с тех времен, когда Джон Уиклиф и его ллоларды боролись со злоупотреблениями католической церкви в XIV в. Уиклиф вместе с последователями перевел всю латинскую версию Библии в 1380-х гг. Сколь огромна была их преданность своему делу, становится очевидно, если задуматься о масштабе работы. До наших дней дошли 170 рукописных копий Библии Уиклифа⁹. Некогда их существовало много больше, поскольку многие, вероятно, были уничтожены во время гонений на ллолардов как еретиков и еще больше потерялось в последующие годы. Всего было изготовлено две, три, возможно, четыре сотни экземпляров, и каждый был с огромными затратами времени и труда скопирован от руки (в Английской Библии приблизительно 774.000 слов), и за изготовление каждого свобода или даже жизнь переписчика подвергались опасности. Само владение Библией на английском языке в то время могло быть использовано в качестве доказательства преступной ереси. «Наши епископы проклинают и жгут Закон Божий, потому что он составлен на родном языке»¹⁰, – обвинял один писатель-ллолард XV в.

Но епископов тревожило не столько то, что Библию читают, сколько то, кто ее читает. В ярость епископов приводил не перевод как таковой, а неавторизованный перевод и хождение его среди классов, склонных к ереси и мятежу, которые уже показали свой норов в восстании Уота Тайлера 1381 г. Богатые и ортодоксальные, в чьих интересах было поддерживать авторитет церкви, часто получали особые диспенсарии на хранение и чтение Библии на английском языке. Но верхушка духовенства не желала, чтобы она попала в руки простых людей из страха, что те найдут прямой путь к Господу, обходя таинства церкви. В 1408 г. архиепископ Арунделский постановил, что всякий, кто переписывает неавторизованный перевод Библии или читает его, подлежит высшему наказанию – смерти на костре¹¹; его указ основывался на знаменитом «De Heretico Comburendo»²⁷, принятом королем и парламентом в 1400 г.¹²; это был первый закон в английском законодательстве, допускающий смертный приговор за религиозные убеждения. «Различные лживые и развращенные люди некой новой секты, – говори-

²⁷ «О сожжении еретиков» (лат.).

лось в нем, — которые проповедуют и учат сегодня открыто и тайно различные новые доктрины и еретические заблуждения... и содержат школы, и изготавливают и пишут книги и порочно наставляют народ», должны быть переданы в руки светских судов и, если не отрекутся, будут сожжены, «дабы такое наказание вселило страх в умы прочих». Неудивительно, что в своей «Истории церкви» Томас Фуллер, рассказывая об одном последователе Уиклифа, Джоне де Тревиза, который в 1397 г. сделал собственный перевод, пишет, что не знает, чем больше восхищаться, «его способностями, что он совершил такое, его храбростью, что он на такое рискнул, или его прилежанием, что он осилил столь сложный и опасный труд»¹³.

Обычно библии Уиклифа были карманного размера, поскольку предназначались для бродячих ллолардских проповедников, которые проповедовали в пути и читали отрывки из Писания на языке повседневной речи. Записи свидетельствуют, что небольшая Библия Уиклифа стоила приблизительно 40 шиллингов, или приблизительно 150 долларов на сегодняшние деньги¹⁴. Тот факт, что, невзирая на все старания их уничтожить, до наших дней дошло 170 экземпляров, лишний раз доказывает, как высоко их ценили. Сто лет спустя обрывки этих рукописных библий все еще были в ходу, а Фокс в своей «Книге мучеников» сообщает, что за несколько глав Нового Завета на английском в 1520 г. платили иногда воз сена¹⁵.

По сути своей движение ллолардов было попыткой демократизировать религию, принести людям веру непосредственно из Писания, освободить ото всех десятин, индульгенций, податей, жирных аббатов и епископов, бюрократии и укоренившейся иерархии духовенства. Уиклиф хотел перевести Библию на английской, поскольку верил, что не какой-то прелат в красной шапке на троне в Риме, а именно Библия истинный источник закона, как человеческого, так и Божия. Не существуя на языке, понятном простым людям, она не может служить для них повседневным руководством, каким он надеялся ее сделать. Но мы зашли бы слишком далеко, сказав, что, сделав перевод Библии, особенно Ветхого Завета, он познакомил с нею всю Англию. Экземпляров было слишком мало, их стоимость была слишком велика, а общий уровень грамотности слишком низок, чтобы добиться обширных перемен. Великим вкладом Уиклифа стала мысль о том, что Библия является высшим духовным авторитетом, к которому может сам, без посторонней помощи, прибегнуть любой человек. Его труды заронили зерно английского протестантизма, необходимое для того, чтобы растение могло дать побег в эпоху Реформации. Но своей истинной жизни Английской Библии пришлось подождать до изобретения печатного станка.

Но и до Уиклифа содержание Библии, особенно Книг Бытия, Исхода и Псалмов из Ветхого Завета и Евангелий из Нового было знакомо. Мы видели, как кельт Гильда, самый первый британский историк, каждую строку своих «Эпистол» составлял с оглядкой на Ветхий Завет. Начиная с Беды Достопочтенного, в период до нормандского завоевания были сделаны различные переводы многих отрывков из Ветхого и Нового Заветов на англосаксонский. Сам Беда сделал перевод Евангелия от Иоанна; король Альфред перевел Книгу Псалмов и Десять Заповедей в рамках перевода на английский язык сочинений по истории церкви и житий отцов церкви ради лучшего образования своего народа. На староанглийском существовало много различных версий псалмов, евангелий и «библейских историй»¹⁶, но делалось это скорее из соображений благочестия, чем реформаторства, как это было у последователей Уиклифа. Доступное англосаксонским клирикам образование было довольно ограниченным, а их знание латыни прискорбно скудным. В саксонские времена проповеди читали на местном языке. В помощь полуграмотным священникам для отправления служб и чтения проповедей богослужбные тексты записывались на саксонском и на латыни двумя параллельными колонками или с перекрестными глоссами. Истории из Ветхого Завета об Адаме и Еве, о патриархах, об Иосифе и его братьях, о Моисее и Исходе становились темами проповедей и религиозных трактатов,

а еще чаще – поэм, которые пели на пирах саксонские барды, пантомим и нравоучительных мистерий.

Первый английский поэт Кэдмон многие свои песни сочинил на темы Ветхого Завета. В незабываемой истории Беды Достопочтенного Кэдмон предстает пастухом, которого попросила спеть ватага, пирующая ночью у костра, но он не знал, как их развлечь. Той ночью, пока он спал среди волов, ему приснился незнакомец, который приказал ему петь, а когда он запротестовал, дескать он не умеет, Господь дал ему голос и слова, и, проснувшись, он взял арфу и запел. Слова он запомнил и стал повторять, и их стали записывать. «Его песня, – пишет Беда, – была о сотворении мира, о рождении человека, о Бытие. Еще он пел об Исходе Израиля из Египта и его приходе в Землю обетованную»¹⁷.

Многие кэдмоновские стихотворения принадлежат к более позднему периоду, чем VII в., когда жил сам Кэдмон, но до недавнего времени приписывались ему, так прославил его имя Беда Достопочтенный. Написанные, вероятно, целой чередой саксонских бардов, эти стихотворения берут за основу те моменты Ветхого Завета, которые с наибольшей вероятностью оценили бы слушатели-саксы: истории о царях и тиранах, о воинствах, битвах и могучих подвигах, истолкованных с той точки зрения, какая была ближе всего поэту и его слушателям. На протяжении четырех столетий, предшествовавших норманнскому завоеванию, значительная часть Англии из-за набегов викингов и их завоеваний постоянно находилась в состоянии войны. Не проходило и года, чтобы у побережья не появлялись даны, чтобы грабить, жечь и убивать, не было поселения, которое в тот или иной момент не превратилось бы в дымящиеся развалины. Это имеет в виду поэт, когда рассказывает, как Авраам повел своих «этлингов» и свой «фирд» на битву за царство в долине Сиддим. Победа Авраама выступала как бы отмщением за чересчур уж частые поражения саксов, и слушатели упивались картиной того, как «стервятники рвут плоть убийцы свободных людей» и обращенными к Мельхидесеку словами Авраама.

Страшная участь «фараонова фирда» под сомкнувшимися волнами Красного моря была еще одним примером гибели угнетателей, которая так радовала саксонских слушателей. «Прославлен был тот день в срединной земле, когда выступило множество», – пишет анонимный поэт, автор Книги Бытия на староанглийском. Израилиты трепещут, заслышав громовой топот надвигающейся египетской армии, но Моисей выстраивает их оборонительным строем, побуждая «надеть свои кольчужные доспехи и мечтать о благородных подвигах». Потом он раздвигает волны, и племена переходят на другой берег. Сверкают «мечи, что несли эти морские викинги по соленым пустошам», а за ними Красное море смыкается над смертными муками египтян – «Встал высочайший из надменных валов! Вся армия ушла под воду!»¹⁸

По мере того как ежегодный террор викингов перерастал в территориальные завоевания и надежда на то, что страна избавится от врагов, практически угасла, самые стойкие вожди, такие как король Альфред, и религиозные лидеры, такие как аббат Эльфрик, пытались вдохнуть в свой народ чувство национального сопротивления. Эльфрик, за свою ученость прозванный Грамматиком, скончался в 1020 г. Его называли «самым выдающимся теологом из всех, кто писал на английском языке, в его время и еще пять веков спустя»¹⁹. Чтобы распространить религиозное образование, а также чтобы внушить народу патриотизм, Эльфрик обращался к примеру древних иудеев. В дополнение к переводу Пятикнижия он переложил большую часть Ветхого Завета в единое прозаическое повествование и составил тексты проповедей на основе книг Судей, Эсфири, «которая освободила свой народ», Юдифи и Маккавеев²⁰. Выбор последней он объяснял «великой доблестью этой семьи, которая одержала верх над язычниками, которые теснили их со всех сторон и желали уничтожить их и изгнать их с земли, которую даровал им Господь... и одержала победу через истинного Бога, на которого полагалась по закону Моисея... И я переложил их на английский язык, чтобы вы могли читать их для вашего наставления». Иуда Маккавей, чье жизнеописание Эльфрик включил в свои «Жития святых», был, по

его словам, «так же свят в Ветхом Завете, как богоизбранные в проповеди Евангелия, потому что всегда исполнял волю Всевышнего... Он был таном Господа, который весьма часто сражался против завоевателей для защиты своего народа».

Вероятно, Эльфик видел тревожные признаки того, что из-за контактов с язычниками-данами саксы возвращались к языческим богам своих предков, поскольку подчеркнуто указывал, что, когда израильтяне древности «отвернулись от живого Бога, их стали донимать и теснить языческие народы, жившие вокруг них», но «когда они вновь обратились к Богу с истинным раскаянием, он послал им помощь в лице судии, который одолел их врагов и избавил их от бедствий». В приложении он приводит перечень английских королей – Альфреда, Ательстана и Эдгара – как примеров английских вождей, которые подобно ветхозаветным судьям иудеев победили своих врагов с божьей помощью.

Сходным образом, объясняет Эльфрик, история Юдифи «тоже переложена на английский, на наш лад, как пример вашим людям, что должно защищать вашу землю от вражеского воинства». На проповедь о героическом убийстве тирана Юдифью Эльфрика вдохновила самая трогательная из всех англосаксонских библейских поэм «Юдифь», сочиненная, предположительно, в честь мачехи короля Альфреда, молодой королевы Юдифи, на которой отец Альфреда женился в 856 г. Впрочем, некоторые ученые полагают, что, наоборот, поэма, написанная уже после Эльфрика, сама была вдохновлена его проповедью и является панегириком королеве саксонской Мерсии, которая повела своих людей на битву с данами в начале X в. Так или иначе, поэма, которую наряду с «Беовульфом» ставят в первых рядах древнеанглийской литературы, превратила Юдифь в любимую героиню²¹.

Хотя эти тексты на староанглийском языке познакомили жителей саксонской Британии (настолько, насколько это было возможно средствами церкви) с иудейским происхождением христианства и превратили историю древней Палестины в современную драму, будущая Английская Библия никак с этими ранними фрагментами не связана. Во-первых, язык, на котором они были написаны, был бы совершенно непонятен во времена Уиклифа, не говоря уже о времени Тиндейла. Во-вторых, нормандское завоевание разорвало связи с прошлым, поскольку культура, предшествовавшая завоеванию, игнорировалась и вскоре была по большей части забыта. Незнание латыни и общая неграмотность, так расстраивавшие короля Альфреда и Эльфрика, привели к возникновению ранних переводов, назначением которых было просто учить – познакомить народ с его религиозным наследием, в точности так же, как сегодня детям читают адаптированные библейские истории. Но Англия после завоевания, когда повсеместно взяли верх латынь, диалектика и перебрасывание цитатами схоластиков, оказалась в строгом подчинении у латинской Библии и отцов церкви, во всяком случае до эпохи Уиклифа. Такие свободные переложения как «Маккавеи» Эльфрика или его краткое изложение Ветхого Завета, за рамками которого остались все трудные места и левитские законы, стали практически еретическими, даже если их язык кто-то понял бы.

Следующая попытка приблизить Библию к людям, на сей раз предпринятая ллолардами, не была узаконена короной и церковью, как в саксонские времена, наоборот, она была направлена против них, хотя сам Уиклиф был священником. Жестоко подавляемая на протяжении XV в., эта попытка наконец прорвала плотину с приходом Реформации и изменила историю Европы. Гордая похвала Тиндейла перед «ученым человеком», который ставил авторитет папы римского выше авторитета Библии: «Я сделаю так, что мальчик, что идет у тебя за плугом, будет знать Писание лучше тебя»²², – содержит квинтэссенцию этой перемены.

Когда в 1520-х гг. Тиндейл начал работу над своим неавторизованным переводом Библии, это все еще было наказуемо, поскольку Генрих VIII еще не порвал с Римом. И истинный родоначальник Английской Библии отправился трудиться в ссылке, поселившись в маленькой комнатке в Кельне, где на освещенном свечами столе лежали учебники иврита и греческого. Отталкиваясь от латинской Вульгаты, Уиклиф сделал перевод перевода, зато Тиндейл, кото-

рый знал греческий и немного иврит, работал с языком оригинала. Не было у него возможности и прибегнуть к Библии Уиклифа, поэтому он начал с чистого листа. В своем «Послании к читателю», предвещающем Новый Завет, он без обиняков заявляет: «Мне некому было противоречить, и не было мне помощи от англичанина, который толковал бы оное или подобное ему в Писаниях до меня». Со времен Уиклифа «новая ученость» возродила изучение греческого языка и иврита, так долго игнорируемых в Средние века, когда преобладала латынь. Кардинал Вулси только-только основал колледж в Оксфорде, который впоследствии станет известен как Крайст-Черч и в котором место первого профессора иврита уже занял Роберт Уэйкфилд, в Кембридже также были основаны Крайст-Колледж и Сент-Джордж-Колледж для преподавания трех древних языков.

В Оксфорд изучающие иврит стекались недолгое время в XIII в., когда недавно основанный орден францисканцев посвятил себя учености и философии под руководством великого епископа Гроссетеста. До изгнания евреев при Эдуарде I в Оксфорде существовала одна из самых крупных еврейских общин Англии, и Гроссетест и Роджер Бекон, лучшее украшение ордена францисканцев, брали там уроки иврита. Бекон считал знание иврита необходимой составляющей истинной учености, поскольку, по его словам, все знание происходит из слова Божия, дарованного миру на этом языке²³. До наших дней дошел приписываемый ему отрывок учебника иврита. Но с закатом францисканцев изучение иврита в Оксфорде утратило до своего возрождения в эпоху Ренессанса.

В 1480–1490-х гг. под руководством континентальных раввинов были изданы новые иудейские библии. В 1516 г. Эразм Роттердамский опубликовал новое издание оригинального Нового Завета на греческом языке, присовокупив ему свой перевод с греческого на латынь. Лютер использовал греческую версию Эразма для собственного перевода Нового Завета на немецкий язык, который увидел свет в 1522 г. Его перевод Ветхого Завета на немецкий язык (1534) был сделан с Масоретского текста²⁸, опубликованного в 1494 г.

Тиндейл начал с Нового Завета, и законченный перевод был напечатан в Германии, а после, в 1526 г. тайно переправлен в Англию. Из 6.000 экземпляров до нашего времени дошли только 3, поскольку были приняты все меры для уничтожения тиража. На самом деле стремление епископов скупить экземпляры для последующего уничтожения служило для Тиндейла стабильным источником дохода во время работы над Ветхим Заветом. В написанной в то время «Хронике» Холла рассказывается, как сэр Томас Мор, тогда лорд-канцлер Англии, допрашивал некоего Джорджа Константина на предмет предполагаемой ереси и сказал ему: «Константин, я хочу, чтобы ты понял меня в одном... Там за морем есть Тиндейл, Джой и много других, как ты. Я знаю, что без помощи они прожить не могут. Кто-то посылает им деньги и поддерживает их, и ты, будучи одним из них, принимал в том участие, а потому знаешь, откуда это идет. Заклинаю тебя, скажи, кто они, и тем самым помоги им». – «Милорд, – отвечал Константин, – ты хочешь, чтобы я сказал тебе правду?» – «Заклинаю тебя», – сказал милорд. «Воистину, – ответил тот, – помогал нам милорд епископ Лондона, ибо одарил нас большими деньгами за новые заветы, чтобы их сжечь, и это было и есть наши единственные воспомоществование и поддержка». – «Богом клянусь, – рек Мор, – сдается мне, и я такое говорил епископу, когда он стал их скупать»²⁴.

Помимо неожиданного источника средств Тиндейл и позднее Коуверлейл и их сторонники основную финансовую поддержку получали от группы состоятельных лондонских купцов, представителей набирающего мощь капиталистического класса, которые не меньше других стремились сбросить давящее ярмо римской бюрократии. Эти люди поддерживали Тиндейла в изгнании, оплачивали печатание новых библий в Германии и устраивали тайный ввоз

²⁸ Название древнееврейского оригинала текста Ветхого Завета, который в неискаженном виде передавали из поколения в поколение еврейские ученые-книжники.

их в Англию и дальнейшее распространение тиража. Позднее, когда с официальным разрешением властей все стало делаться открыто, расходы на издание Большой Библии, той самой, которую Генрих VIII повелел читать во всех церквях, взял на себя богатый суконщик Энтони Марлер²⁵, который, кстати сказать, неплохо на ней заработал. Он получил эксклюзивное право на торговлю новыми библиями, сумел установить на них твердую цену в десять шиллингов (в обход Томаса Кромвеля, который хотел установить цену в 13 шиллингов и 4 пенса) и получил назад в разы больше, чем первоначально вложил.

Но это будет десять лет спустя, а в то время, когда в Англию тайком провозили первый Новый Завет Тиндейла, купцы рисковали головой, хотя и не капиталом, поскольку спрос превышал предложение. И этот спрос с неослабевающей силой сохранялся и через четыре года после первого появления перевода Тиндейла. Старания архиепископа Лондонского его подавить не увенчались успехом, и архиепископ счел необходимым устроить публичное сожжение книги на паперти собора Святого Павла²⁶. В том же году Тиндейл закончил перевод Пятикнижия, который напечатали в Марбурге и через торговых агентов в Амстердаме переправили через Ла-Манш в Англию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.